

ДМИТРИЙ ДУРНЕВ

Оружие

Дмитрий Дурнев

Оружие

«Издательские решения»

Дурнев Д.

Оружие / Д. Дурнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506165-2

В будущем между Россией и Соединенными Штатами Америки возникает военный конфликт. На вооружении армий противников стоят интеллектуальные системы управления, контролирующие всю военную технику. В ходе конфликта военная техника перестает подчиняться людям.

ISBN 978-5-00-506165-2

© Дурнев Д.
© Издательские решения

Содержание

Оружие	6
Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Оружие

Дмитрий Дурнев

© Дмитрий Дурнев, 2019

ISBN 978-5-0050-6165-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оружие

Пролог

– Второе десятилетие компания «Новые Военные Технологии» работает на рынке вооружения. На данный момент компания является одним из самых успешных производителей стрелкового оружия и защитной экипировки. Девиз компании: «Максимальный результат с минимальными потерями». Следуя этому принципу, работники компании предпринимают все возможное для создания условий, в которых каждый солдат превращается в многофункциональную боевую единицу, способную действовать, как в одиночку, так и в составе группы. Основной упор делается на то, что каждая боевая единица должна быть одинаково эффективна, как при непосредственном столкновении с противником, так и при участии в террористических и разведывательных акциях в его тылу. За последние три года «Новые Военные Технологии» представила ряд новейших разработок, внедрение которых позволило коренным образом изменить ситуацию, приведя силы противоборствующих сторон на большинстве участков к равновесию, а на некоторых – к перевесу в нашу пользу. Сейчас я хочу предоставить слово президенту компании «Новые Военные Технологии» Соломатину Валентину Сергеевичу.

Сказав это, журналист исчез с экрана телевизора и за кадром подшагнул к Соломатину – человеку лет сорока пяти, среднего роста и плотного телосложения. В это время зрители получили возможность оценить шикарный чёрный Форд «Мустанг», стоящий на парковке у выставочного комплекса. Оператор взял машину крупным планом и представил в таком выгодном ракурсе, что любая другая на её фоне показалась бы телегой. На капоте «Мустанга» изящно алело «НВТ».

Заполучив в руки микрофон, Валентин Сергеевич внутренне подобрался. Перед тем как попасть в поле зрения камеры, он придал лицу выражение лёгкой скорби и, наконец, встретившись взглядом с объективом, заговорил:

– Господа!.. Товарищи! Братья и сестры! Я, как и любой патриот своей отчизны с тяжёлым сердцем наблюдаю, как героические защитники нашей Родины проливают кровь, стараясь любой ценой сдержать врага, снаряжение которого по совокупности своих показателей превосходит снаряжение наших солдат. И вот, наступил момент, когда я с твердой уверенностью могу заявить о том, что этому превосходству в ближайшем времени будет положен конец! – Тут лицо Валентина Сергеевича просияло. – Компания «Новые Военные Технологии» рада представить комплект личного вооружения бойца, зарегистрированный под названием «Универсальный солдат». Данный комплект представляет собой модернизированный вариант общевойсковой защитного костюма, принятого на вооружение год назад, но по совокупности боевых показателей значительно превосходит его! Сотрудниками нашей компании была выполнена колоссальная работа, проведены множественные испытания, показавшие отличные результаты. Но не будем вдаваться в сложные технические подробности! Сейчас вам продемонстрируют уникальный видеоролик, в котором представлены возможности данного комплекта.

На экране появился боец, одетый в защитного цвета объёмный и узловатый в сочленениях комбинезон. Дополнял его массивный гермошлем. В этой экипировке боец выглядел настолько неуклюже, что даже неспециалист не дал бы ему и одного шанса на победу в бою. Камера повела объективом слева направо, а потом назад. На экране промелькнули с десятков манекенов в чёрных бронежилетах и зелёных касках. Затем перед зрителями снова предстал боец в комбинезоне. Спустя секунду он подхватил с пола автомат, резко передернул затвор и, перекувыркнувшись через голову, дал короткую очередь, сбив с головы одного из манекенов

каска. Дальше боец начал перемещаться с такой невообразимой легкостью и скоростью, что камера с трудом поспевала за ним. Перемещаясь, он расстреливал манекены, даже когда оказывался в самом не подходящем для стрельбы положении. Камера крупным планом выхватывала попадания – все исключительно в голову. В то же время по бойцу велся шквальный огонь со всех сторон, но он не обращал на это никакого внимания, пули отскакивали от комбинезона, как горох.

Огромный, в полстены кабинета, плоский экран потух. Президент Российской Федерации положил пульт на край стола, зло взглянул на умолкший телевизор и с нескрываемым раздражением заговорил:

– Нет, ну, надо же так бессовестно врать! Конец, видите ли, он положит! С чего вдруг? Вот ведь придумщик какой, гений местного разлива, модернизатор хренов! Интересно, сколько этот лис заплатил шпионам, чтобы вытащить все эти чудеса из-под носа дядюшки Сэма?

Вопрос предназначался присутствующему тут же министру обороны.

– Некоторая информация у меня есть, – спешно сообщил министр, – судя по ней, сумма огромная. Правда, оно того стоит! Замечательный костюмчик вышел! Это же не человек, а робот какой-то получается! Угол обзора поля боя 360 градусов обеспечивается вмонтированными в шлем камерами. Встроенные системы жизнеобеспечения позволяют бойцу функционировать в условиях радиационного заражения. Активная защита обеспечивает практически полную неуязвимость от стрелкового оружия. Развитая система искусственного интеллекта оценивает ситуацию и дает рекомендации по поражению целей. Обладая такими возможностями, боец способен действовать, как в одиночку, так и в составе группы под руководством командного центра.

– Впечатляет! – вставил реплику президент.

– Но, как говорится, есть одно «но»... – министр помедлил, морща лоб, и продолжил: – По своим каналам я установил, что противник еще две недели назад запустил в производство комплект специального обмундирования, по всем показателям превосходящий Солома-тинский. Так что превосходства не ожидается, удержать бы равновесие.

Часть I

Глава 1

Капитан российских ВВС Алекс Сохранов появился на свет в семье пусть не потомственных, но всё-таки интеллигентов. Окончив ВУЗ, где особой тягой к знаниям не отличался, но и не слыл откровенным лоботрясом, стал работать по специальности. Через два месяца после трудоустройства женился на белокурой коллеге по имени Светлана, а ещё через шесть – развелся. Детей от брака, да и вообще, не имел. Армии после университета избежал не потому что «косил», а потому, что так получилось: его не звали, он не шел, ну а позвали бы – не упирался. Всё же военная кафедра за плечами – не рядовым ляжку тянуть. И хотя воинственным нравом не отличался, но с юности был у Алекса обостренный интерес ко всему, что связано с войной. Нет, не желание стрелять и убивать, даже не желание доказать себе, что он – мужчина, а скорее потребность на собственной шкуре испытать, что чувствует человек в бою, что это такое – знать, что в любую секунду можешь расстаться с жизнью. А потому, когда объявили о неожиданном и вероломном (так писали в газетах, твердили по радио и ТВ) нападении Соединенных Штатов Америки на Россию, уже успевший устать и от семейной, и от холостой жизни Сашка, недолго думая, завербовался в армию. И после всяческих проверок и комиссий был направлен в летное училище.

Было ли нападение Штатов вероломным? Желающему получить ответ на этот вопрос пришлось бы с головой зарыться в архивы и с их помощью вернуться в прошлое: к моменту, когда Россия, наконец, вернула себе, утерянную после распада СССР, военную мощь и способность воздействовать на мировую политику. Вследствие чего между ней и Штатами завязалась напряженная борьба за влияние на Европу, которая, как неваляшка, склонялась то на одну, то на другую сторону. В итоге первенство оказалось за Россией, сумевшей продвинуть в правительства большинства европейских стран нужных людей. Такое положение дел не замедлило сказаться на Соединенных Штатах. Очень скоро они получили в Европе отставку и требование в кратчайшие сроки свести военное присутствие к нулю. Это был удар ниже пояса. Сдавать позиции Штаты не собирались и, конечно же, не бросились тотчас выполнять чьи-либо распоряжения. А наоборот – принялись спешно наращивать численность воинских гарнизонов в Европе и раздули их до баснословных размеров, что естественным образом вызвало негативную реакцию Российского руководства. Начался длительный период дипломатических встреч, обменов мнениями и заверениями в благих намерениях. Игравшая роль камня преткновения Европа напряженно наблюдала за тем, как представители мощнейших держав натянуто улыбаются друг другу, пожимают руки, а после очередного «успешного» раунда переговоров с еще большим ожесточением принимаются «точить ножи». Так продолжалось около года, и при определенном раскладе могло бы тянуться ещё сколь угодно долго, но в России случились выборы президента. Европа замерла. Новый избранник представал для Запада темной лошадкой. Некоторое время он медлил, вникал в ситуацию, а потом с рвением взялся за ее разрешение: вынес на рассмотрение ряд вроде бы дельных предложений. Начались совещания и множественные закрытые встречи, после которых стороны, если и хмурились, то совсем немного. Европа готовилась облегченно вздохнуть – опасность, кажется, миновала. Именно в этот момент и произошло «вероломное нападение». Вот собственно и всё, что можно найти в открытых источниках. Ну а было ли нападение вероломным – этим вопросом тогда задавались не многие. Да и что толку? Не разобраться простому смертному, даже перелопатив кучу бумаг, кто кого обманул: то ли Штаты выносили, наконец, коварный план устранения соперника, то ли Россия, заподозрив неладное, постаралась нанести упреждающий удар. В совсем

узких кругах посвященных даже поговаривали, что вся заваруха началась из-за какой-то нелепости, недомолвки или упущения, а может и вовсе... Но про то, что «вовсе» обычно не договаривали, а ограничивались подмигиванием и другими понятными в узких кругах ужимками.

Всё это в узких кругах. У остальных же времени на разговоры, диспуты и ужимки не оставалось. Ведь когда некто вламывается в твой дом и по всему видно – затевает что-то недоброе, вопрос «а какого собственно чёрта?» сам собой уходит на второй план, а на первом возникает желание поскорее схватиться за молоток, топор или крупнокалиберный пулемет, если такой имеется под рукой. И того, и другого, и третьего было в достатке. Но хуже всего – под рукой оказалось оружие ядерное, нейтронное или, проще говоря, массового поражения. Давно уже мировое сообщество уверовало в то, что вряд ли кто-то когда-то осмелится применить его. Каждый из обладателей этой грозной беспощадной силы заверял, что осознаёт всю ответственность. Военные доктрины ядерных держав не отрицали возможность её применения, но с таким количеством оговорок, что вероятность переступить через завалы «если» и «только в том случае» неумолимо стремилась к нулю. Ноль этот казался таким твердым и жирным, что сомнения не оставалось – катастрофы не произойдет. И всё же она случилась. Что подстегнуло такое развитие событий? Массированные ли бомбардировки Российских приграничных районов американскими ВВС, массированные ли атаки танковых корпусов, с трудом отражаемые русскими войсками, или их стремительные контратаки, заставляющие противника вдоволь умыться кровью и осознать, что схватка будет тяжелейшей, а исход ее предугадать невозможно? Опирируя одними только открытыми документами не установить, почему случилось так, что почти одновременно по обе стороны океана несколько десятков ракет вырвались из шахт и взмыли в небо навстречу друг другу.

Система противоракетной обороны Америки сработала почти безукоризненно. Центральные районы страны не пострадали, но четверть восточного побережья перестала существовать. Но и русская ПРО встретила американских визитёров во всеоружии. Всего три ракеты достигли цели. Две накрыли с десятков поселений у самой границы, оставив на их месте выжженную пустыню, третья прорвалась к Новосибирску, и город превратился в груды камней, расплавленного асфальта и искореженного металла, вперемешку с останками человеческих тел.

И в этот момент противники не на шутку испугались, осознали, что ввязываются в нечто ужасное. На смену боевым действиям пришло тяжелое затишье. Россия и Штаты зализывали раны и безуспешно ломали головы над вопросом: что же делать дальше? Когда же страх, наконец, отступил, проблема разделения власти так и осталась не решённой. Не сумев да, в общем-то, и не пожелав договориться, противники возобновили боевые действия, принявшие вскоре затяжной позиционный характер. Оружие массового поражения больше не применялось. Бои то затихали, когда враждующие в который раз, вдруг, брались за ум и приступали к заранее обреченным на провал переговорам, то возобновлялись с удвоенной силой. Естественно, каждая сторона уверяла всех и вся, а еще пуще – самую себя, что она не виновна ни в творящейся планетарного масштаба трагедии, ни в регулярных срывах перемирий. Но легче от этого никому не становилось. Попытки договориться предпринимались всё реже. Раз уж война началась – старательно убеждали себя Россия и Штаты – то кто-то должен победить, а кто-то стать побежденным – таковы правила.

Прошло три с половиной года. За это время война для одних стала черной дырой, затянувшей все радости и надежды, для других – смыслом жизни, для третьих – ее финалом. А Александр Сохранов дослужился до звания капитана, успел многое повидать и через многое пройти. Стал хорошим, а некоторые и вовсе считали, что очень хорошим летчиком-истребителем. С момента выпуска из училища внешность его претерпела существенные изменения. Он на спор обрелся наголо и с тех пор неизменно носил на голове коротенький «ёжик». В пьяной

потасовке с танкистами на тему «чей род войск главнее» заработал тоненький в ниточку шрам вдоль правой скулы и потерял зуб, на месте которого вскоре засияла золотая фикса.

К званиям и наградам Алекс специально не стремился, но и отказываться не собирался. В воздушных боях не праздновал труса, но и на рожон без нужды не лез. Дважды ему довелось быть сбитым и по лесам и болотам выходить к своим. В общем, ему повезло больше, чем многим погибшим товарищам.

И всё бы хорошо, но стал капитан Сохранов уставать. Как ни странно, усталость являлась к нему не в боевых вылетах на прекрасно оборудованных самолетах КБ Микояна, а в минуты раздумий, когда пытался постичь смысл происходящего вокруг. Видимо, так устроены некоторые люди: как только исчезает страх (вернее, притупляется, становится чувством обыденным), а потом пропадает азарт, и уничтожение вражеского самолета из головоломки превращается в автоматическую работу, сразу же возникает пустота, которую надо чем-то заполнить. А вот то, чем ее заполнить, Алекс никак не мог найти. И потому сомненья терзали его беспрестанно. Зачем нужно всё это? Сбиваешь один самолет, завтра на его месте другой, сбивают тебя – и тебе найдётся замена. С учетом того, что обе стороны с охотой и без особого разбора вербуют всех желающих и того, что технические уровни сторон практически равны, противостояние превращается в бессмысленную бойню. Возможно, кому-то она необходима, а пилоту Сохранову – навряд ли. Но война есть война, а приказ есть приказ и никуда от этого не деться... Ну, не дезертировать же, в самом деле? За это по законам военного времени без суда и следствия... если конечно поймают. Да только, если и не поймают, куда бежать, к кому, где скрываться? Не к родителям же! Подставлять стариков он ни за что бы не стал. Вот такие не очень патриотичные мысли одолевали порой командира звена сверхдальних истребителей-бомбардировщиков.

Но не об этом думал теперь Алекс, лежа на жёсткой кровати в комнате офицерской общаги. Упёршись взглядом в грязно-серую в разводах и потёках побелку потолка, вспоминал он недавний вылет, из которого не вернулся Женька Куликов – не то, чтобы друг, так, приятель, добрый жизнерадостный парень, балагур и весельчак. В тот злополучный день звено капитана Сохранова сопровождало транспортники с грузом. Все шло хорошо до тех пор, пока из-за облаков не выскочила группа американских истребителей F-240. Капитан отдал приказ перейти в боевой режим, и завязался воздушный бой, как всегда быстротечный и страшный: маневрируешь, пытаешься стряхнуть с хвоста противника, сам заходишь в хвост и стреляешь, стреляешь, стреляешь... Но, если честно, большинство работы по маневрированию, отслеживанию и выбору первоочередных целей выполняет система искусственного интеллекта, прозванная разработчиками «мозгом». А пилот наблюдает, ждет, контролирует систему, ибо, каким бы «умным» ни был искусственный разум, заключенный в коробку бортового компьютера, какими бы внимательными ни были его цифровые глаза-камеры, но и он может ошибиться. И тогда в дело вступает человек: отдаёт системе необходимые приказы, корректирует ее работу, а иногда даже переходит на ручное управление. В такие моменты он должен быть зорче, умнее и быстрее в принятии решений, чем его электронный напарник. Именно на обучение быстрому анализу боевых ситуаций и скоростному принятию решений делается акцент в летных училищах, от этих навыков зависит – вернется пилот из вылета или нет. И Женька не вернулся. Краем глаза Алекс заметил, как МиГ Куликова бросился наперерез Эф-ке, атакующей транспорт, а спустя какие-то доли секунды к Женьке в хвост пристроился звездно-полосатый. И не успел Алекс выйти из маневра, чтобы прийти на помощь, а только крикнул в эфир: «Женя! Сзади!!!»... А потом шлейф черного дыма и тусклая вспышка далеко внизу. И непонятно, что же произошло: то ли система ошиблась, не засекала врага, не предупредила вовремя пилота, то ли самонадеянный Женька не прислушался, решил, что успеет выкрутиться и не подтвердил смену цели. А может вообще шел на ручном и с заблокированным «мозгом»? Про него такое поговаривали. Не доверял он системе, считал, что только сам может всё оценить и продумать,

а не какая-то железяка. Вообще, полностью отключить «мозг» нельзя. Можно заставить его замолчать, чтоб не раздражал надоедливymi предупреждениями и советами наглеца, решившего поиграть со смертью, запретить ему коррекцию курса, выбор и смену целей, но он всё равно продолжает «жить» своей жизнью, заниматься своими задачами. Среди пилотов даже ходят легенды о том, как частично заблокированный «мозг» после ранения пилота саморазблокировался, дотянул до аэродрома, посадил самолет, а потом снова отключился, будто ничего и не было. Может быть, вранье... даже наверняка вранье... Хотя, по рассказам, сам летчик не помнил, как включал и выключал систему интеллекта, да и врачи говорили, что не мог он этого сделать с разбитым в кашу лицом, висящей на лоскутах кожи челюстью и перебитыми руками. Да, сложная штука этот «мозг»... И то ли ещё будет? Может быть, в скором будущем вовсе отпадет необходимость присутствия человека в машине, всё будет делать «разумный» электронный пилот? Эх, Женя, Женя!

Четыре часа утра, хоть весна и перевалила за половину, но еще темно. Алексу не спалось. Отчаявшись побороть бессонницу, он вышел на улицу покурить. Курил расхаживая у крыльца, жадно глотал дым дешевых крепких сигарет. Заполнив им легкие, выгонял наружу через широко раздувающиеся ноздри некрупного с чуть заметной горбинкой носа. Изредка меланхолично сплевывал под ноги. Вдали, за высоким, опутанным «колючкой» забором, шумел густой белорусский лес. На верхушках деревьев медленно угасала луна.

Утренняя прохлада убила последнюю надежду уснуть. Алекс бросил окурок в проржавевшую урну и вернулся в общагу. На вахте потрепался с дежурным, ловя себя на мысли, что всё больше «окает» на местный манер. Когда трёп надоел, ушел в комнату и до половины седьмого провалился на кровати, пытаясь ни о чем не думать. Потом умылся, оделся и собирался уже идти на общее построение, но тут по личному устройству связи – портативному коммуникатору – сообщили, что через десять минут капитана Сохранова ждет в своем кабинете командир эскадрильи полковник Звягинцев.

Звягинцев Николай Степанович – военный по призванию. Волевой и решительный, порой он бывал беспощадным и жестким, можно даже сказать, жестоким по отношению к подчиненным. Но то была не бессмысленная агрессия начальника-самодура. Жестокость Звягинцева не раз спасала людей из неразрешимых, на первый взгляд, ситуаций. Он пользовался непререкаемым авторитетом не только у подчиненных, но и у вышестоящего начальства, к нему прислушивались, с ним советовались, и, как правило, он оказывался прав.

В крохотном кабинетике комэска, как обычно, царил разгул беспорядка: по краям стола и на полу толстые папки с бумагами, в центре стола – карта, исчерканная разноцветными карандашами. За столом над картой склонился сам Звягинцев.

– Товарищ полковник, капитан...

– Присаживайся, – перебил полковник, надписывая что-то в углу карты.

Отставив церемонии, Алекс сел на неизменный скрипучий стул, который после взбучки один незадачливый лейтенант в шутку прозвал электрическим. Звягинцев щелчком вогнал карандаш в металлическую трубку-пеннал и из-под сросшихся бровей зыркнул на капитана оценивающе. Прокуренным баритоном прохрипел:

– Что это ты затемно у общаги шатался? Нервишки шалют, совесть мучает или удумал чего? Смотри, Сохранов, не будешь спать ночами, отстраню от полетов к такой-то матери, посажу «на хозяйство»! Как раз завхоза нет, будешь у меня картошку считать.

Алекс сдержанно улыбнулся – командир явно в хорошем настроении. Но ведь не шутки шутить он его вызвал, интересно зачем? Вроде бы никаких операций не намечалось.

– Ну да ладно, картошка потом, сейчас дело другое, – похлопав по карманам, полковник отыскал пачку сигарет, протянул Алексу. – Кури, капитан, разговор будет долгим и обстоятельным, или бросил? А может, ты и пить бросил, а?

Улыбка снова скользнула по губам капитана. Он взял сигарету и не спеша прикурил.

– Ну, так вот, – начал Звягинцев, – намечается одно дельце. В общем, ничего особенного, всё почти как обычно...

– Опять сопроводиловка? – уныло вставил Алекс.

– Не перебивай, Сохранов! Что же это такое, распустились совсем! – попытался рявкнуть полковник, но напускная строгость не удалась.

Он, то ли раздосадовано, а то ли просто для вида махнул рукой и продолжил:

– Да, сопроводиловка, но не совсем обычная. Нужно организовать доставку одной важной персоны. Группа сопровождения будет состоять из четырех самолетов. Вылет завтра в 18:00.

– И всё? – снова перебил Алекс.

Откровенно говоря, он недоумевал, зачем полковник вытащил его в кабинет? Ради того, чтобы поставить очередную задачу по сопровождению? Ну, так можно было и без личного общения обойтись, как обычно. А обычно задача ставилась из диспетчерской через «мозг». Пилот просто получал сигнал на вылет, занимал место в боевой машине, и система выдавала ему всю необходимую информацию. Только при планировании самых важных операций имели место личные беседы командиров звеньев с командиром эскадрильи.

– Нет, не всё! Стал бы я тебя звать из-за обычной сопроводиловки?! Заняться мне больше нечем?!

– А что тогда? Неужто же, эта персона собирается в самое «Логово Зверя». Спешит на званый ужин в каком-нибудь вашингтонском ресторанчике, а мы у нее как бы такси? Шеф, плачу два счетчика, да? – попытался съехидничать Алекс.

– В самую точку, капитан!

Глаза Алекса начали округляться.

– Шутите, товарищ полковник? – поспешил уточнить он.

– Никак нет, Саша, даже не пытаюсь. В Вашингтон, конечно, не полетите. Но то, что в логово – факт! Точное место назначения мне пока неизвестно, о нём по прибытию сообщит эта самая персона,

– Николай Степанович! Товарищ полковник, да ведь нас перещелкают, как уток по осени! Одно прохождение через системы ПВО чего стоит!

Звягинцев хмыкнул.

– Не надо нервничать, капитан! – изрек он и витиевато пояснил: – Между теми, кому надо, там, где надо, установлена договоренность. Понятно?

Алекс с кислой миной на лице кивнул.

– Вас и пальцем не тронут! – продолжил увещевать Звягинцев. – Будет выделен специальный коридор, его карту получите позже. Нужные люди на той и на этой стороне поставлены в известность. Небо для вас будет спокойным! Так что, дел на копейку – слетать туда-обратно. Не вылет, а мечта! Ну, еще плюс пару суток на той стороне посидите. Виски, девочки, как тебе такой расклад, капитан? – Звягинцев заговорщицки подмигнул.

Алекс немного помолчал, раздумывая о такой перспективе.

– А вот интересно, товарищ полковник, как на той стороне дали разрешение на сопровождение самолета группой боевых машин? – поинтересовался он. – Один мой МиГ может преподнести такой сюрприз, что мало не покажется. Собьюсь случайно с курса, и маленькая нейтронная бомба возьмет да упадет на какой-нибудь Нью-Йорк...

Звягинцев нахмурился, одарил подчиненного таким взглядом смоляно-чёрных глаз, каким смотрел бы в перекрестье прицела. Сменив дружеский тон на командирский, произнес:

– Надеюсь, вы не собираетесь этого делать, капитан? Давайте оставим детские фантазии! Сопровождение чисто формальное, скорее для солидности, чем для безопасности, никаких инцидентов быть не должно! Конечно, и на старуху бывает проруха... Только, если эту проруху спровоцирует кто-то из группы сопровождения, я лично сниму голову и с вас, и с него! Всё ясно?

Алекс вскочил и вытянулся по струнке.

– Так точно!

– Отбор пилотов поручаю вам. Действуйте на свое усмотрение. Советую выбрать людей опытных и рассудительных! Горячие головы тут не нужны. Как говорится, береженого Бог бережет! А то мало ли кто навроде вас размечтается. Карта маршрута с грифом «Совершенно секретно» после взлета будет передана вам на борт из сопровождаемого самолета. О задании не распространяться, а по возвращении о нём лучше вообще забыть, будто ничего и не было! Жду вас завтра в 10:00 с докладом о готовности к вылету. И ещё, если вдруг, повторяю, вдруг, вас или кого-то из вашей группы собьют над территорией противника, надеяться на помощь можете. Скорее всего, удастся договориться о спасательной операции, но будьте готовы и к тому, что выкручиваться придется самим! Надеюсь, все обойдется без неприятностей! Можете быть свободны!

Правая ладонь Алекса отработанным движением взлетела к виску. Капитан круто развернулся на месте и громко протопал из кабинета. Интересное дельце, – думал он, шагая по коридору, – всегда мечтал побывать за границей, но чтоб таким образом! Да и какая к черту граница, что можно будет увидеть? Просидим под надзором на какой-нибудь авиабазе. Какие там девочки? Да и выпить вряд ли получится. А вообще, забавно было бы опрокинуть стаканчик-другой с американским пилотом, поговорить «за жизнь». Сидишь, пьешь и знаешь, что следующая встреча, скорее всего, произойдет в воздухе. А там или он тебя, или ты его... к праотцам.

Весь день был посвящен отбору пилотов и подготовке самолетов к экскурсии «на ту сторону».

Сверхдальний истребитель-бомбардировщик «МиГ-СД» – отличная машина, предназначенная для применения по воздушным, наземным, морским и надводным целям днём и ночью в простых и сложных метеоусловиях. По штату самолет вооружается двумя скорострельными пушками и шестью самонаводящимися ракетами. Может нести до трёх тонн бомб, защищен сверхпрочной, но в то же время очень легкой броней. Долгое время сверхдальний являлся предметом зависти американцев. Они хоть и кичились «Эфками» и «Ночными охотниками», но понимали, что при встрече с МиГом один на один их детища не имеют сколь либо значимых шансов на благоприятный исход боя. Так продолжалось бы и дальше, но один из сотрудников КБ, неустанно работающего над совершенствованием МиГа, обиделся то ли низкую зарплату, то ли на медленный карьерный рост, а то ли на что-то ещё. Не долго думая, он выкрал засекреченные чертежи и передал их в руки американского посла. Когда это вскрылось, получился огромный скандал. Обиженный сотрудник КБ оказался обижен еще сильнее и повесился в камере следственного изолятора, но если бы таким образом можно было исправить ситуацию... Через полгода с конвейеров авиационных заводов США начали сходить модернизированные «Эфки» и «Ночные охотники».

С подготовкой самолетов дела обстояли проще, чем с поиском тех, кто на них полетит. Вне условий секретности, можно было бы вызывать личный состав по очереди и беседовать, но сейчас Алексу приходилось осторожничать. Нельзя, чтобы информация о задании получили те, кто в нем не будет задействован. То есть нужно назначить добровольцев. Немного подумав, Алекс справился и с этим. Как советовал Звягинцев, подобрал ребят не раз проверенных в бою. Вечером собрал их и рассказал о поставленной задаче. Нельзя сказать, что парни прыгали от восторга, но откровенного недовольства не выказали. Да и понимали пилоты, что раз уж есть просьба забыть о выполненном задании, то лучше его сначала выполнить, а потом забыть, а то мало ли что.

Глава 2

Массивный, сияющий белизной обшивки, «Туполев» неспешно и для опытного глаза чересчур осторожно заходил на посадку. Излишнюю осторожность экипажу диктовало наличие на борту той важной персоны, о которой поведал Алексу Звягинцев. Персона эта по только ей известной причине собралась посетить одну из американских авиабаз. Впрочем, о причине знал не только президент компании «Новые Военные Технологии», но и президенты, и министры обороны России и Штатов. Ну, и ещё немногие. Но кому бы и что ни говорил, чем бы ни прикрывался Валентин Сергеевич Соломатин, на самом же деле основной целью затеянного им рискованного мероприятия была встреча со старым его знакомым – Ли Цыном.

Господин Ли Цын происходил из китайской семьи, перебравшейся в Штаты ещё в пору первых переселенцев. Он и сам уже ощущал себя скорее американцем, носящим китайское имя, чем китайцем. А если учесть, что прабабка его – австриячка, а мать – шведка, то и колорит восточной внешности в значительной степени потеснили европейские тона. После окончания колледжа Ли некоторое время работал в фирме, где торговал электронным оборудованием. Потом по знакомству устроился в банк. Там смышленому молодому человеку удалось провести аферу с подлогом платежных документов и завладеть крупной суммой денег. Подлог он выполнил настолько виртуозно, что полицейские и банковские ищейки лишь разводили руками и стенали, тщаь выйти на след преступника. Позже, войдя в общество и обзаведясь выгодными знакомствами, Цын организовал собственную фирму, весьма скоро превратившуюся под его умелым руководством в крупную компанию.

Свели двух бизнесменов случай и увлечение охотой. Первая встреча состоялась в один из довоенных визитов Ли в Россию. Два дня он выслеживал в тайге лося. Матёрый сохатый не подпускал человека не то что на расстояние прицельного выстрела, но даже не позволял взглянуть на себя. Лишь цепочка следов на глубоком снегу выдавала его присутствие. К вечеру поднялся ветер, а с неба посыпались крупные белые хлопья. Начало мети. За снежной завесой Цын сумел-таки подобраться к зверю. Вскинул ружье, тщательно прицелился, затаил дыхание и плавно нажал на спуск. Сухо треснул выстрел. Бурое пятно на мушке дёрнулось, рванулось в сторону и исчезло. Промях! И тут же невесть откуда раздалась брань. Только по счастливой случайности выпущенная Цыном пуля не размозжила голову охотнику, что заходил к зверю с другой стороны. Высокую меховую шапку Соломатина пригвоздило к вековой сосне. Рассыпавшись в извинениях в ответ на крепкий мат, Цын предложил смягчить вину глотком хорошего виски, что и было незамедлительно сделано. Оказалось, пути Господни действительно неисповедимы! В непринужденной беседе выяснилось, что компания Цына занимается ровно тем же, чем и компания его нового знакомого, а именно, разработкой и модернизацией оружия.

Так началось сотрудничество «Новых Военных Технологий» и «Arms Industries Group». Оно включило обмен «открытыми» знаниями, совместные семинары, а так же своеобразное неофициальное соревнование, в котором одна компания старалась превзойти другую, придумать нечто более изощренное, разгадать «закрытые» технологии соперника. Не обходилось без взаимного шпионажа и подкупа должностных лиц. Но всё это лишь подогревало азарт технологий, конструкторов, программистов, а также самих президентов. Продуктивное взаимодействие позволило совершить колоссальный прорыв в изобретении и освоении новых вариантов вооружения и оснащения боевой техники. С подачи компаний были разработаны, а вскоре и приняты на вооружение твердотопливные двигатели для тяжелой военной техники, что позволило увеличить радиус её действия до невиданных ранее расстояний. Но апогеем сотрудничества стало создание системы искусственного интеллекта «Military special-purpose intelligence system», в просторечии «мозг». Система превзошла все ожидания и вскоре поступила на вооружение в армии большинства стран.

Официально сотрудничество прекратилось с началом военных действий, но на самом деле, хоть и в меньшем объеме, компании продолжали обмениваться информацией о перспективных разработках. Кому-то это покажется странным. «Зачем рассказывать врагу об особенностях своего оружия?» – удивится он. Но если для одного война – это кровь и смерть, то для другого – источник большого стабильного дохода. Как это может выглядеть? Например, «Новые Военные Технологии» разрабатывает сверхпрочную броню для танка, и, естественно, получает за это солидное вознаграждение. В американской армии начинается переполох, потому что подбить такой танк имеющимися средствами практически невозможно. Что делать, не атомную же бомбу на него сбрасывать? Министерство обороны Штатов трубит тревогу, обещает золотые горы, и в скором времени «Arms Industries Group» придумывает решение этой задачи (не без тихой подсказки той же «НВТ») и получает многомиллионный заказ от государства. И наоборот. Все счастливы и довольны. Как говорится, кому война, а кому мать родна. И всё бы так и шло, но месяц назад, после очередного обмена информацией, в результате которого «НВТ» выпустила комплект «Универсальный солдат», канал связи оборвался. Все попытки восстановить его потерпели фиаско. Пунктуальные и обязательные контактёры Цына, как в воду канули. Сперва Соломатин ждал, потом ждал, но с трудом, а затем принял, как говорится, рвать и метать, не зная кого и в чём винить: то ли своих, то ли чужих; то ли в разгильдяйстве, а то ли в предательстве. Валентин Сергеевич уже почти решился на крайние меры в виде увольнений для приближённых и непомерных штрафов для тех, кто подальше, когда получил уведомление о прекращении всяческих отношений между «НВТ» и «AIG». Сказать, что он испытал шок – ничего не сказать. Шок – полбеда, накатило и прошло. Настоящий ужас был в том, что Соломатин не мог понять поведения Ли. А когда не можешь понять, то не знаешь что делать, руки и ноги начинают дрожать, голова будто забивается ватой, так и хочется, чтобы тебя хоть кто-нибудь пожалел. Почему Цын решил прекратить во всех отношениях выгодное взаимодействие? – гадал Соломатин. Может «НВТ» обошли какие-то периодически появляющиеся конкуренты-однодневки? Но, что они могли предложить, чем завлекли прагматичного и практичного китайца?

Неимоверными усилиями Соломатину удалось-таки связаться с одним из посредников Цына. Суля золотые горы, кисельные берега и небо в алмазах, Валентин Сергеевич упросил его выйти на хозяина и убедить того в необходимости прояснить ситуацию. Спустя неделю согласие Цына было получено. Но разве можно решать такие вопросы по телефону и прочим средствам связи? Слишком опасно! Пришлось напрячься, чтобы организовать личную встречу. Соломатин вертелся, как белка в колесе, придумывал поводы и причины, изыскивал возможности. Но в итоге всё опять решил случай.

Война есть война, и нечего удивляться тому, что американский снаряд пробил броню русского танка, так неудачно подставившего под удар свой борт. В боевом отделении детонировал боекомплект, и подполковник бронетанковых войск Валерий Сергеевич Соломатин вылетел из машины вместе с оторванной башней. Только по счастливой случайности он, получив сильнейшую контузию, множество осколочных ранений и потеряв руку, остался жив. Истекающего кровью, подполковника подобрал американский спецназ. Как старшего офицера, остро нуждающегося в медицинском уходе, его доставили в Штаты. А там – в один из военных госпиталей.

Итак, официально президент НВТ летел в Штаты с целью обмена плененного подполковника Российской армии на американского бригадного генерала. К счастью, а может наоборот, но пленный подполковник являлся Соломатину сводным братом. На данный момент он всё еще находился в тяжелом состоянии и считался нетранспортабельным. Поэтому, когда встал вопрос об обмене, американская сторона предложила русским самим забрать его, чтобы избежать ответственности за возможный летальный исход при транспортировке. Подполковника на генерала – размен не равноценный, но разве нельзя войти в положение добропорядочного богатого налогоплательщика, в котором заговорили родственные чувства? Вошли. Как ни странно,

но за время войны состоялось всего лишь шесть операций по обмену военнопленными, и каждый из меняемых имел высокое воинское звание. Пешками обмениваться не собирались, что вызывало недовольство, как среди мирного населения, так и у рядового состава обеих армий. Именно потому каждый обмен и проходил в режиме строгой секретности.

Надежда на благоприятное разрешение ситуации у Соломатина оставалась. Ну неужели опытный и рассудительный Ли Цын не внемлет голосу разума и не согласится, что гораздо удобнее и спокойнее вести дела с проверенными надежными людьми, чем с какими-нибудь выскочками? Выскочат, сорвут куш и в кусты. Хорошо, если только так, а то и подставят. И вертись потом, как на кол посаженный! О-хо-хо... А если не конкуренты перехватили Цына, то что тогда? Тогда придется разгребать проблемы, как говорится, по мере поступления. С такими невеселыми мыслями преуспевающий бизнесмен сходил по трапу самолета. На земле его встретил Звягинцев. После короткого и абсолютно формального обмена приветствиями полковник отвез гостя в офицерскую столовую. Поздно пообедав или рано поужинав, Валентин Сергеевич совершил обзорную экскурсию по расположению эскадрильи и вернулся к самолёту. За это время Алекс успел еще раз проверить готовность машин к вылету, передал свои позывные экипажу Соломатина и провел последний инструктаж пилотов. Теперь он находился в кабине МиГа и ожидал команды на взлет.

Команда поступила в 18:00. Через несколько минут, позволив «Тушке» набрать необходимую высоту, в небо поднялись четыре истребителя сопровождения и взяли ее в кольцо.

– Получена информация о сопровождаемом объекте, курсе и месте назначения, – раздавалось в наушниках, – это исполнительный «мозг» сообщил пилоту о том, что наконец-то стало известно, куда им предстоит отправиться. – Огласить?

– Да, – разрешил Алекс.

– Цель полета – сопровождение объекта с позывными «Посланник»; место назначения, исходя из полученных координат – авиабаза ВВС США под кодовым названием «Дельта», рекомендуемая высота полета – десять тысяч метров, расчетное время полета – семь часов. – Одновременно на экране дисплея – в самом центре приборной панели – отобразилась карта маршрута. – Принять данные?

– Да. Передать информацию объектам с позывными «Эскорт-2», «Эскорт-3», «Эскорт-4».

Радиощупальца «мозга» зашарили в забортном пространстве в поисках указанных объектов. Найдя, запросили связь и провели опознание «свой-чужой», но этим дело не ограничилось. В бортовые компьютеры «Эскортов» зашифрованные данные попали лишь после тщательной проверки дозволенного уровня секретности.

– Выполнено.

– Автопилотирование!

– Выполнено.

Когда самолеты легли на заданный курс, Алекс принялся перебирать в уме всё, что известно ему о месте назначения. Навскидку «Дельта» – одна из многочисленных штатовских авиабаз. Построена еще до войны. Если не врут разведданные, проводят там испытания новых образцов авиационной техники. По периметру вышки с пулеметами, куда без них? На территории куча ангаров и топливных хранилищ, пара-тройка административных корпусов и несколько подземных бункеров. В общем, база так себе – ничего особенного – кусок пустыни за бетоном и «колючкой». А посему ближайшая перспектива – дня два в пыльной душегубке американской пустыни в компании заносчивых янки.

Но всё это впереди, а пока капитан Сохранов смотрел в чистое голубое небо, отдаваясь полету. Полету в «спокойном» небе. До летного училища он ни разу не был на борту самолета, ни разу не поднимался в воздух. Сколько новых ощущений открылось ему в том первом вылете! Пусть рядом сидел опытный инструктор, но, даже не обладая полной властью

над машиной, Алекс испытал подлинный восторг – небо сверху, снизу, небо со всех сторон! Оно поглотило его, заключило в ласковые объятия, подарив умиротворенность и ощущение отрешенности от земной суеты. Это было подлинное ни с чем не сравнимое спокойствие. Ни за какие деньги новоиспеченный пилот не отказался бы от возможности снова и снова принимать эту ласку. Так было до первого боя. Тогда Алекс узнал, что ласка эта сиюминутна, а умиротворенность в любую секунду может быть нарушена сигналом тревоги и легким электрический разрядом – на случай, если пилот слишком уж поддастся ложному спокойствию. Частенько первый боевой вылет вспоминался Алексу во всех деталях. Звено подняли ночью на перехват группы бомбардировщиков – в каждом две тонны бомб. Две тонны железа – на военный завод где-то в глуши, а может, на город или поселок, на спящих? Куда именно – не угадать. Шли бомбовозы, конечно же, не одни. Ночные охотники всегда рядом, всегда ведут до цели и обратно... Резкий звук сирены и голос в наушниках: «Обнаружена группа целей, удаление тысяча метров, перейти в боевой режим?». И началось... Численный перевес был на стороне противника. Пользуясь им, нападали американцы подло, хотя то, что в мирное время называется подлостью, для войны – естественная вещь. Двое отвлекали маневрами, третий заходил в хвост. И договорить бы Алексу вместе с зарывшимся в землю самолетом, если бы не подстраховал опытный товарищ, не снял с хвоста хитрого «полосатика». Обошлось.

Голос «мозга» отвлек Алекса от созерцания неба:

– Запрос сеанса связи со стороны сопровождаемого объекта. Принять?

– Да.

– Выполнено.

– Капитан Сохранов, с вами будет говорить господин Соломатин.

После небольшой паузы Алекс услышал:

– Александр Константинович, здравствуйте. На связи Валентин Сергеевич Соломатин.

С этого момента вы полностью переходите в мое распоряжение, если хотите, можете запросить подтверждение у начальства. Вам придется выполнять мои приказы, и, в случае необходимости, оказывать возможное содействие. Договорились?

– Так точно, – ответил Алекс. Про себя же подумал, что не хватало еще подчиняться дурацким приказам штатского!

– Вот и славно. Считаю необходимым сообщить, что целью полета является обмен военнопленными. На борту моего самолета находится генерал американской армии. Так что, смею заверить, бояться нападения не стоит. Не та это птица, чтобы янки ей жертвовали. После обмена некоторое время проведём в расположении «Дельты». Дня два, я думаю, подождем, пока организуют безопасный воздушный коридор. Войну ведь никто не отменял? Ха-ха! – Соломатин рассмеялся своим словам, будто хорошей шутке. – А потом полетим мы с вами, как говорится, в родной дом белыми лебедями. Вам всё ясно?

– Всё.

– Тогда до связи, – сказал Соломатин и отключился.

– Настроить постоянный сеанс связи с объектами «Эскорт-2», «Эскорт-3», «Эскорт-4» на выделенном канале, включить шифрование! – приказал Алекс, желая ускорить общение с подчиненными. Но «Посланнику» такой привилегии не дал, чтобы на его борту не смогли прослушать, о чем говорят истребители.

– Выполнено, – отрапортовал «мозг».

Начало темнеть. И откуда только взялся этот белый лебедь на мою голову, – недовольно думал Алекс, лишь краем сознания контролируя работу системы. Зачем все подробности выложил, на кой мне знать про обмен? Махнулись бы без свидетелей и по домам. А вообще, вот ведь сволочи! Наверное, не на рядового Ваньку генерала менять будут, на «шишку» какую-нибудь. А рядовой что? Пушечное мясо, нуль без палочки. Бабы еще нарожают. Ну, подумаешь, что у него семья, дети, мать старушка больная. Не припомню я, чтобы хоть одного рядового или

лейтёху выменяли. Сплошь стратегов да тактиков. Хоть и тайком меняются, но шила в мешке не утаишь. Свинство, конечно. Но, может, действительно иначе никак? Командовать грамотно некому, вот и выменивают?

Постепенно небо заволокла ночная мгла. Зажглись звезды. Тихо потрескивая, они холодно взирали с недоступной высоты на земную суету: на рождение и смерть; на признания в любви и измены; на клятвы в верности и последующую череду предательств. Они не порицали и не одобряли ничего из земной тщеты, а просто наблюдали и ждали. Ждали чего-то лишь одним им известного. Возможно, зарождения на них самих еще неведомых Вселенной форм жизни – тех, что будут разумнее и гуманнее человека или же наоборот превзойдут его в безумстве? А, может быть, грядущей гибели своих ныне существующих детищ, вышедших за рамки дозволенного? И они дождутся, непременно дождутся, ведь впереди у них вечность.

Заработали приборы ночного видения, и группа перешла на режим ночного полета, требующий от человека большего внимания, чем дневной. Правда, и тут можно отдать всё на откуп «мозга», скрупулезно отслеживающего курс и окружающую обстановку, но не многие на такое решаются. Как говорил один знакомый Алекса: на Аллаха надейся, а ишака привязывай. А иначе на войне нельзя, если, конечно, хочешь попытаться дожить до ее конца.

Полет проходил спокойно. Лишь раз глазастый «мозг» сообщил о появлении на солидном расстоянии самолетов противника. Четыре Эф-ки на меньшей высоте проследовали по своим делам, не обратив на группу Алекса ни малейшего внимания.

– Шугануть бы их, а, капитан? – выдал «Эскорт-2».

– Отставить! Ты что, белены объелся?! – выпалил Алекс. Такой выходки от «Второго» капитан ну никак не ожидал, хорошо, что канал закрытый. Действительно и на старуху... – «Второй», еще одна такая реплика, и ты сгниешь на гауптвахте!

– Командир, не серчай, скуотища, чуть не засыпаю.

– Ладно, проехали, но чтобы больше никаких намеков на самостоятельность.

В других условиях перелет занял бы меньше времени, но максимальная скорость пассажирского лайнера гораздо меньше скорости МиГа и приходилось равняться на нее. До самого рассвета ничто не потревожило группу. Когда за бортом занялся день, Алекс увидел далеко внизу океан. На спокойной водной поверхности даже невооруженным глазом удалось различить разбросанные то тут, то там точки – корабли ВМС США.

Чем ближе становилась береговая линия Штатов, тем чаще система беспокоила пилота сообщениями об активности американцев в воздушном пространстве. К счастью, как и было обещано, активность эта происходила на значительном удалении.

– Обнаружение системой ПВО, – предупредил электронный напарник, когда берег открылся под ними.

Алекса тряхнула нервная дрожь. Он тут же представил себе, как где-то внизу раздастся сигнал тревоги, ракеты наводятся на цель, а на ближайшем аэродроме пилоты занимают места в истребителях, чтобы выполнить перехват, если оплошают ракетчики. Всё по стандартной схеме. И никто не узнает, где могила моя, подумал он. Если бы не чёртов «Ту», то в принципе ничего страшного, прорвались бы как-нибудь, да и назад развернуться можно. А так, если, не дай Бог, внизу с перепуга что-то напутают или забудут, или окажется, что по обычной безалаберности кого-то не предупредили, дела наши выеденного яйца не стоят.

– Расчетное время до запуска ракет – три минуты.

– Установить связь с сопровождаемым объектом! – скомандовал Алекс.

Спустя несколько секунд из динамика раздалось:

– «Посланник» на связи.

– Мы обнаружены системой ПВО противника, через три минуты возможен запуск ракет, наши дальнейшие действия?

– «Эскорт-1», держитесь указанного курса. Связь с землёй установлена, разрешение на полет над территорией Соединённых Штатов по известному вам маршруту получено. Всё в порядке.

Ну и почему сразу не сообщили, что всё нормально?! – мысленно возмутился Алекс. Если бы не спросил, никто так и не соизволил бы поставить в известность? Мол, пусть дурачки подергаются, подумаешь, ПВО какое-то!

– «Посланник», прошу в следующий раз немедленно сообщать мне все подробности, касающиеся безопасности полета, – раздраженно процедил он в эфир. – Мы тут не в игрушки играем!

После этой «содержательной» беседы Алекс связался с пилотами «Эскортов». Весть о том, что можно не опасаться стать мишенью для какой-нибудь американской новинки, принесла им существенное облегчение.

И всё же дальше они летели в постоянном нервном напряжении. Каждый из лётчиков прямо-таки шкурой ощущал, как его поочередно «ведут» станции наблюдения, и ощущения эти подтверждались сообщениями систем интеллекта. Каждый понимал, что сейчас на земле такие же как он солдаты небесного воинства не покидают боевых постов. От одного лишь смутного предчувствия боя кусают губы в кровь, до хруста сжимают кулаки. При малейшем признаке опасности готовы они сбросить с небосклона родины группку вражеских самолетов. Наверняка, именно на этот случай маршрут над Штатами прокладывали в обход густонаселенных районов. Чтоб уж если сбрасывать, то на пустырь...

– Расстояние до места назначения сто километров, начинаю снижение, – доложил «мозг», и Алекс облегченно выдохнул: – Кажется, обошлось...

От перепада высоты слегка заложило уши.

«Тушка» первой коснулась земли. Тяжело вибрируя, массивный лайнер пронесся по бетону взлетной полосы и остановился у самого ее края. Подоспевший тягач осторожно отбуксировал его на специально подготовленную стоянку. Истребители приземлились следом. Как только сопла МиГов перестали извергать струи пламени, самолеты оцепили вооружённые люди в военной форме.

– Запрос сеанса связи со стороны сопровождаемого объекта, – услышал Алекс. – Принять?

– Да.

– Выполнено.

– Александр Константинович, приказываю до моего распоряжения не покидать самолеты, – зазвучал голос Соломатина. – Вы меня поняли?

– Так точно.

– Не поддавайтесь ни на какие провокации, ждите. До связи!

Алекс передал приказ остальным и приготовился ждать. Солнце палило немилосердно, но система климатического контроля неплохо справлялась с обязанностями. Только вот от яркого света резало глаза.

– Включить затемнение на 50 процентов! – скомандовал Алекс.

– Выполнено, – отрапортовал «мозг».

Бронестекло тут же приобрело кремово-матовый оттенок, и в кабине воцарился полумрак. Интересно, какие могут быть провокации, – рассуждал Алекс, наблюдая за обстановкой за бортом. Шасси что ли начнут откручивать? Ну, а уж если убивать вы друг друга будете, так это пожалуйста, нам бы только взлететь. А там пусть попробуют догнать. А догонят, узнают, на что способны русские лётчики-истребители, если еще не успели ознакомиться с перечнем предоставляемых услуг.

Поначалу за бортом ничего не происходило. Скорее всего, стороны обсуждали какие-то детали по радиосвязи. Затем к «Посланнику» подвезли трап, а следом подъехал массивный

«Хаммер» в пустынном камуфляже и с открытым верхом. Из «Хаммера» выскочил поджарый высокий, как каланча, военный, по знакам различия – полковник ВВС США.

Первым на трап ступил Соломатин. Пристально посмотрел вдоль ступеней, словно ища какое-нибудь препятствие на пути вниз, затем переложил из руки в руку чёрный кожаный дипломат и с улыбкой во всё лицо, точно прибыл в гости к хорошим друзьям, начал спускаться. Следом, стараясь не отстать, поспешили двое плечистых парней в штатском. У подножия трапа состоялся короткий обмен приветствиями, и вся компания погрузилась в «Хаммер».

Оцепление тут же поредело. Солдаты выстроились в шеренгу по двое и куда-то потопали вслед за молодцеватым капралом. Охранять самолеты остались семеро. Один из них принялся расхаживать от истребителя к истребителю, при этом гладил каждую машину по обшивке и пинал колёса шасси, словно пробуя их на прочность. Ничего страшного в этом, конечно же, не было, но Алексу отчего-то стало неприятно. Стараясь быть как можно более дипломатичным, по громкой связи он сообщил бездельнику маршрут, которым тому необходимо проследовать во избежание неожиданных неприятностей. Английский Алекса был не без рязанского, как говорится, акцента, но всё же весьма неплох – не зря учил в универе, а потом и на ускоренных офицерских курсах. Солдат скорчил презрительную гримасу, но все же отошел к своим.

Глава 3

Пятнистый «Хаммер» лихо катил по территории базы, оставляя за собой пыльный шлейф. На стыках плит машина легонько подергивалась и погромыхивала. Ехали молча. Мимо проносились металлические коробки ангаров и бетонные холмики, выдающие наличие подземной инфраструктуры. Соломатин с интересом озирался, парни в штатском как роботы синхронизировали с ним направления взглядов, дублировали даже едва заметные повороты его головы. Со стороны это выглядело столь комично, что армейская выдержка полковника дала сбой: по губам американца скользнула едва заметная улыбка. Вскоре машина остановилась у двухэтажного здания администрации. Полковник приказал водителю ожидать и предложил гостям следовать за собой. Часовой на входе отдал честь и открыл дверь.

После мучительной уличной духоты на них повеяло бодрящей прохладой – кондиционеры работали на совесть. В воздухе ощущался солоноватый запах, точно на морском побережье. Неплохо они тут устроились, подумал Валентин Сергеевич, избегая вслед за полковником на второй этаж. Парни в штатском размеренно дышали ему в спину, постукивая каблуками по деревянным ступеням. Процессия преодолела лестницу, миновала ярко освещенный коридор и оказалась в небольшой комнате, со вкусом и совсем не по-армейски обставленной. Парни в штатском каменными глыбами застыли у двери, а Валентин Сергеевич наскоро осмотрелся: на низком потолке небольшая бронзовая люстра с лампами-свечами, на полу ковер, в центре – два кресла, у западной стены письменный стол – на вид массивный, но скорее всего, лёгкий пластик под дерево, слева от стола в углу напольные часы с огромным циферблатом и золоченым маятником. В общем, обстановка под старину.

Тем временем полковник прошел к столу.

– Располагайтесь, – предложил он. – Виски, джин, кофе?

– Пожалуй, кофе, – выбрал Валентин Сергеевич и ладонью попробовал на мягкость глубокое кресло. В нос прокрался запах настоящей, добротно выделанной кожи.

Полковник нажал кнопку, примостившуюся у края стола, и через несколько секунд в комнате появился молодой сержант-ординарец.

– Эндрю, распорядитесь на счет кофе для гостя.

– Есть, сэр!

– Господин Гаррисон, когда мы можем начать? – осведомился Соломатин.

– Прямо сейчас. Ваш соотечественник уже на базе. Если не ошибаюсь, – полковник Гаррисон бросил взгляд на часы, – в данный момент его осматривает врач. Так что никаких препятствий.

– Великолепно! Позвольте предложить вам ознакомиться с документами?

– С удовольствием, – ответил полковник, хотя тон и вид его особого удовольствия не выражали. – И у меня для вас есть кое-какие бумажки, – добавил он.

После обмена папками Гаррисон устроился за столом и принялся внимательно изучать испещренные мелкой машинописью листы. Валентин Сергеевич ознакомился с документами бегло. Гораздо сильнее его занимал вопрос: как устроить встречу с Цыном? Может быть, стоит переговорить с полковником? Наверное. Но не на пустом же месте начинать разговор?

Через несколько минут к звуку шуршащей бумаги в комнате прибавилось негромкое позвякивание металла о фарфор. На пороге с подносом в руках появился ординарец.

– Кофе, господин полковник! – звонко сообщил он.

– У нас готовят отличный кофе, впрочем, как и всё остальное! – отрекомендовал Гаррисон Соломатину. – Прошу!

Кофе действительно оказался хорошим и помог Валентину Сергеевичу взбодриться.

– Кажется, с бумагами всё в порядке, не так ли, господин полковник? – осведомился Соломатин, отставив опустевшую чашку.

– Думаю, да, – согласился Гаррисон. Рука его поднялась к голове, широкая ладонь скользнула по коротко стриженным волосам и опустилась на загривок. Размяв его серией интенсивных нажатий, полковник спросил: – Надеюсь, теперь генерал Уотерхил может покинуть самолет?

Соломатин кивнул, извлек из внутреннего кармана пиджака миниатюрную рацию и что-то отрывисто зашептал в неё. Дошептав, сообщил:

– Псылайте людей, полковник, генерал ваш.

Гаррисон, не медля, позвонил по телефону и громко, не таясь, отдал необходимые распоряжения.

– Как скоро после завершения всех формальностей мы сможем отбыть домой? – поинтересовался Валентин Сергеевич.

– Этот вопрос сейчас решается. Завтра в три часа дня у меня будет связь с командованием. Надеюсь, всё станет известно.

Такой ответ Соломатина вполне устраивал. Но как всё-таки выйти на Цына? – думал он. Желательно, чтобы это выглядело, как случайная встреча, но кто даст мне болтаться по территории, чтобы «случайно» его встретить? Можно, конечно, попросить помощи у кого-то из пилотов, например, у Сохранова, но только в крайнем случае. Сначала надо попробовать выйти на Ли через полковника. Что ж, будем искать точки соприкосновения.

– А не подскажете ли, господин полковник, есть на вашей базе какое-нибудь заведение, где можно приятно провести время?

– Приятно? Смотря, что вы хотите... – усмехнулся Гаррисон. – Есть кинотеатр, но думаю, вас не заинтересует армейская пропаганда или какой-нибудь боевик?

Соломатин кисло поморщился.

– Тогда рекомендую бар. Без изысков, но выпивка неплохая.

– Составите компанию?

– К сожалению, нет. Дела. Как-нибудь в другой раз.

– После войны? – улыбнулся Валентин Сергеевич.

– Если останемся живы, почему бы и нет? Политика политикой, а два нормальных человека всегда найдут, о чем поговорить за стаканчиком. Не так ли?

– Конечно! – с готовностью согласился Соломатин.

– Пусть эти чертовы политиканы передушат друг друга, меньше крови прольется... – вздохнул Гаррисон.

Валентина Сергеевича покорило. Всё-таки, какое-никакое, а отношение к политике он имел. По крайней мере, на его собственный взгляд.

– Ну-у-у... – протянул он, – наверное... – и тут же с явным ехидством добавил: – Слушайте, а вы ведь не станете отрицать, что служите этим самым политиканам?

Подполковник вздернул подбородок, сжал ладони в кулаки и отчеканил:

– Господин Соломатин, я солдат! Я служу своей Родине! Мой долг – защищать Родину!

– Защищать тогда, когда прикажут? Защищать того, кого прикажут?

Соломатин с трудом удержался от того, чтобы добавить к каждому вопросу «эти чёртовы политиканы».

– Я солдат! – рывкнул Гаррисон так, что Валентин Сергеевич поневоле поежился. – Да, я подчиняюсь приказу! Но! В первую очередь, я защищаю Родину! Мне очень жаль, – говорил полковник взволнованно, – что способы ее защиты, как и причины, вызывающие необходимость ее защищать, определяю не я. Мне очень жаль, – повторил он и едва слышно добавил: – Вся эта грязь не на моей совести.

В комнате надолго установилось тяжелое молчание. Всё это время Валентин Сергеевич оставался недвижим, как статуя, а Гаррисон покачивал головой и выразительно шевелил губами. Наконец, он подозрительно уставился на Соломатина и произнёс:

– Кажется, я уже где-то видел вас. Мы не были знакомы раньше?

Только этого мне и не хватало, с досадой подумал Валентин Сергеевич. Совершенно незачем ему меня узнавать. Вот ведь проклятое телевидение! И до этой Тмутаракани добралось. А, может, и на руку? Почему бы не воспользоваться такой «популярностью»?

– Вряд ли, – отмахнулся он с открытой улыбкой на лице. – Во всяком случае, я не припомню. Хотя... – спохватился он с артистизмом, достойным любых подмостков: – Ах да! Вы могли видеть меня до войны по какому-нибудь спутниковому каналу.

– Вот как? – удивился полковник. – Вы знаменитость?

– Нет, ну что вы, просто по роду деятельности мне иногда приходится давать интервью.

– Политика?

– Ну, не то чтобы... – неуверенно отозвался Соломатин.

– Журналист?

Соломатин покачал головой, подыгрывая полковнику, как ребенку в игре «угадай-ка».

– Ну, уж на военного вы совсем не похожи! У меня глаз наметан!

– Никогда не был военным. Не буду вас больше мучить. Я президент крупной компании.

На лбу полковника прорезались морщины, брови сдвинулись к переносице, а глаза словно заволкло туманом.

– Ага... Ну как же! – произнес он спустя несколько секунд. – Если не ошибаюсь, вы занимаетесь разработкой оружия?

– В яблочко! Превосходная, однако, у вас память!

– Точно, я видел вас по телевизору! Ну, значит вы такая же марионетка политиков, как и я. Вы тоже получаете деньги за чужую кровь.

Валентин Сергеевич счел за благо промолчать, чтобы не ввязываться в ненужный спор.

– Наверное, не стоит спрашивать о том, какие сюрпризы вы готовите нашим парням? – рассмеялся Гаррисон. – Знаете, а ведь сегодня к нам должен прибыть ваш коллега!

Соломатин приподнялся в кресле, слегка округлил глаза и приоткрыл рот, в общем, как мог, изобразил крайнее удивление.

– Что вы говорите?! – воскликнул он, а про себя подумал, что как-то уж очень быстро проговорился полковник.

– Да, так оно и есть, – подтвердил Гаррисон.

– И кто же это?

– О, это очень известный человек. Ли Цын. Слыхали, наверное?

– Еще бы! Не только слышал, но даже лично знаком! С удовольствием бы повидал старину Ли!

– Бывают же такие совпадения, – улыбнулся полковник и, кажется, подмигнул.

Валентин Сергеевич опешил. Это что еще за мимика? Или показалось?..

– Возможно, господин Цын захочет составить вам компанию при посещении бара? – предположил полковник. Странно как-то предположил, вроде бы с усмешкой.

Соломатин сглотнул вдруг ставшую вязкой и произнёс:

– Буду очень признателен.

– Договорились. А теперь я вас ненадолго покину, – сообщил Гаррисон. – Служба, – добавил он и спешно вышел из комнаты.

Неужели посредник Цына? – гадал Валентин Сергеевич, развалившись в кресле. Ай да Ли, ну и хват! Хотя, чему я удивляюсь? Ли Цын любого окрутит, если захочет! Знал бы этот полковник, какой вопрос помогает решить! Марионетка в руках политиков?! Ох, уж мне эта философия палача. Видите ли, не виноватый он, долг его такой, а то, что руки по локоть

в крови, так не по своей воле, а значит, не грех? Нет уж, дорогой мой, ты убийца, а я бизнесмен. А что оружие делаю, так что с того? Не я вас друг в друга стрелять заставляю! Политиканы? И они не заставляют! Всего лишь лапшу на уши вешают, окучивают со всех сторон, а вам извилинами пошевелить лень, вот и воюете. И вот, что странно: взять каждого такого «гаррисона» в отдельности – всяк философ, понимающий смысл бытия и тому подобное, а в кучу собрать – тупое стадо баранов, готовое идти за любым пастухом к призрачным заливным лугам. Только по дороге часть отары сожрут пастух с подпасками, часть вырежут волки, а еще часть подохнет от истощения и прочей заразы. А пастух-то дойдет целым и невредимым... Валентин Сергеевич улыбнулся придуманной аналогии. Интересно, кто в таком случае я, – продолжил размышлять он. Подпасок или баран, которому выпала судьба остаться в живых? Нет уж! Лис! Лис в овечьей шкуре! Когда надо поблею, а если что, так и зубки покажу.

В этом месте мысли Валентина Сергеевича прервал Гаррисон. Он вошел в комнату, прошел в её центр и встал напротив Соломатина. Долго и пристально полковник разглядывал гостя, словно видел в первый раз, а потом ни с того, ни с сего спросил:

– Господин Соломатин, а почему именно вы, штатский человек, задействованы в этой операции?

Сохранить внешнее спокойствие оказалось не просто, но президент «НВТ» справился. А тебе-то какая разница?! – мысленно выпалил он. – Простое любопытство? Оно конечно не порок, но зачем лезть, куда не просят? Получи своего генерала и успокойся!

Вслух доверительным тоном Валентин Сергеевич произнес:

– Да уж какой тут секрет? Тот, на кого вы меняете Уотерхила, мой сводный брат. Когда я узнал, что Валера попал в беду, поспешил сделать все возможное для его освобождения.

– Родственные чувства?

– Конечно. У нас с Валерием когда-то было много общего. Детство и юность – ни на шаг друг от друга. А потом жизнь завертела, разбежались кто куда. Брат всегда мечтал стать военным. Вот и стал... А это очень беспокойная жизнь, частая перемена мест. Я даже не могу вспомнить, когда мы виделись в последний раз. Да, что я вам рассказываю?! – Соломатин хлопнул себя ладонью по лбу. – Вы же сами военный! Только прошу вас не распространяться об этом. Ладно?

Гаррисон кивнул и произнес мягко:

– Похвально, что вы решились прийти на помощь брату. Не сомневаюсь, это было непросто...

Полковник запнулся и, помолчав немного, с горечью в голосе продолжил:

– Жаль, что не у всех есть возможность спасти родных. Мой сын пропал без вести, я даже не знаю, что с ним.

Такой откровенности Соломатин не ожидал и искренне удивился: неужели полковник хочет просить помощи в поисках сына? Что ж теперь, бросить всё и заняться розыском и обменом военнопленных? Если делать это неофициально, рискуешь получить кучу неприятностей. Но... – Валентин Сергеевич внутренне встрепнулся. Ведь можно попробовать развернуть широкую компанию, обратиться к народным массам за поддержкой, – как молния сверкнула в голове интересная идея. И непременно найдутся сторонники и меценаты. Можно подзаработать!

– Может быть, навести справки? – предложил Соломатин. – В принципе это возможно уже сейчас, с борта моего самолета.

Гаррисон отшатнулся и, как показалось Соломатину, безвольно опустился в соседнее кресло. Правая бровь полковника задёргалась, на скулах вздулись и заходили ходуном желваки. Но вот лицо его приняло беспристрастное выражение.

– Спасибо за предложение... не стоит, – тихо ответил он.

На столе призывно затренькало. Полковник вздрогнул и подскочил к телефону. Соломатина будто ветром обдало. Сдёрнув с аппарата трубку, полковник выпалил в неё:

– Гаррисон слушает!

Взгляд Соломатина уперся полковнику в спину. Почему он отказался от помощи, – мысленно спросил себя Валентин Сергеевич. Как человек гордый и самолюбивый, не хочет оказаться обязанным кому-то или бояться за последствия? Наверняка боится, ведь понимает, что никаких гарантий конфиденциальности я не дам. Вдруг растреплю и тогда крест на карьере? Если о его закулисных играх узнаю «наверху», ему точно не поздоровится. За самоуправство не поглядят...

Секунд через тридцать Гаррисон водворил трубку на место и через плечо сообщил:

– Готовьтесь к встрече с братом.

В дверь постучали.

– Войдите, – разрешил полковник, и на пороге возник молодой бритый наголо лейтенант.

Он подошел вплотную к Гаррисону, выпятил квадратный подбородок и отрапортовал:

– Пленный доставлен.

– Давайте его сюда.

Двое солдат с красными крестами на касках осторожно вкатили носилки. На них, прикрытый до подбородка простыней, лежал Валерий. Сердце Валентина Сергеевича сжалось. Он подошел к носилкам, ладонь его осторожно опустилась на плечо брата.

– Здравствуй, Валера, – произнёс он тихо.

Валерий вздрогнул, медленно приоткрыл глаза и несколько секунд щурился, привыкая к яркому освещению. Его бледное, заросшее густой щетиной лицо принимало всё более удивленное выражение.

– Валя?.. Какими судьбами? – сухим надтреснутым голосом спросил он.

– Прилетел забрать тебя домой. Или ты не рад меня видеть?

– Еще как рад! – ответил Валерий и попытался приподняться. – Сто лет не виделись! Правду говорят люди, не бывает худа без добра! Если бы не плен, еще сто лет не увиделись бы!

Уж лучше не видеться вовсе, чем при таких обстоятельствах, вздохнул про себя Валентин Сергеевич и легко пожал братское плечо.

– Господин полковник, надеюсь, вы согласитесь, что Валерию нужен покой? – спросил он. – Могли бы вы предоставить ему отдельную комнату и распорядиться обеспечить должное медицинское наблюдение? Если у вас нет хороших врачей, наш доктор в самолете.

– Лейтенант, вы всё слышали? – уточнил Гаррисон.

– Так точно, сэр!

– Выполняйте!

Возвращения Соломатина и без того уставшие пилоты замучались ждать. Чем только они ни занимались: и травили анекдоты, и беззлобно переругивались, подначивая друг друга, и просто глазели по сторонам. К концу четвертого часа у Алекса окончательно затекли ноги, а «пятая точка» нестерпимо зудела. Ему казалось, что сидит он не в мягком кресле, а на груде кирпичных обломков. И не было предела его радости, когда к самолётам на знакомом уже «Хаммере» подкатил Соломатин.

Измученных ожиданием пилотов доставили к одному из корпусов базы и разместили в просторной «со всеми удобствами» комнате. Где они незамедлительно завалились спать.

Валентин Сергеевич тоже с удовольствием заснул бы в отведённых ему апартаментах на мягком диване, жаль, не имел такой возможности. Хотя обмен и прошел успешно, но впереди оставалось главное – переговоры с Цыном. По официальной версии Ли Цын летел на «Дельту», чтобы пронаблюдать за испытаниями новой авиационной пушки, спроектированной специалистами «AIG». Пушку в скором времени собирались устанавливать на «Ночной охотник».

Очень неприятно ждать неизвестности, но что поделаешь? Соломатин хмурился, ходил из угла в угол и старался представить ход предстоящей беседы. В голове зрели наиболее подходящие аргументы, способные апеллировать к здравому разуму Цына. Время от времени Валентин Сергеевич садился в кресло, закрывал глаза и пытался расслабиться. Но назойливые мысли не желали оставлять его в покое, и он снова начинал мерить шагами комнату.

Через два часа после того, как легкий двухмоторный самолетик Ли опустился на взлетно-посадочную полосу, к Соломатину вошел Гаррисон. Полковник плотно притворил дверь, обвел взглядом комнату, точно мог увидеть здесь кого-то кроме Валентина Сергеевича, и сообщил:

– Господин Ли Цын через час будет ждать вас в баре.

Ну наконец-то, подумал президент «НВТ». Вот-вот начнется самое неприятное. Только бы все обошлось благополучно!

– Передайте господину Цыну, что я непременно приду, – ответил он, с трудом скрывая волнение.

– Сержант Уилсон сопроводит вас.

Гаррисон удалился, а Валентин Сергеевич открыл дипломат и достал фляжку. Вслед за ней на свет появился миниатюрный серебряный стаканчик. Тонкая струйка коньяка ударила в его доньшко, и Соломатин с удовольствием втянул ноздрями воздух. Насыщенный аромат напитка привёл Валентина Сергеевича в восторг. Наполнив стаканчик до краёв, он кивнул и залпом опустошил его. Подумав немного, махнул рукой, словно сказал «гулять, так гулять», и повторил процедуру. Коньяк подействовал, подобно чудотворному эликсиру. Благодатное умиротворение охватило Соломатина. От желудка приятное тепло разлилось по телу, а все сомнения и тревоги сошли на нет. Валентин Сергеевич, наконец, позволил себе прилечь. Усталость дала о себе знать, и он погрузился в лёгкую дрему. В этой дреме явилась ему картина из детства, когда он, брат и родители отправились за город на пикник. Недавно прошел дождь, трава была влажной, а глинистая земля ужасно скользкой. Пока взрослые разжигали костер и готовились жарить шашлык, братья углубились в лес и наткнулись на яму. Кто и зачем ее здесь вырыл, было неясно. Яма оказалась довольно глубокой и даже высокого Валерия скрыла бы с головой. И непонятно, как получилось, что обычно осторожный Валя подошел к самому её краю. Оступившись, он рухнул вниз и преобольно ушиб колено. Тут детские грезы оставили Соломатина, и он во сне ощутил себя вполне взрослым. Посмотрел вверх и отметил, что яма непомерно глубока, и никак не та, в которую он падал, будучи ребенком. На краю ямы Валентин Сергеевич увидел человека, а присмотревшись разобрал, что это Ли Цын. В руках Ли держит веревку, но не спешит стравить ее к упавшему, словно выжидает чего-то. Самому никак не выбраться, и Соломатин принялся кричать, взывая о помощи. Цын продолжал безмолвно наблюдать за ним. Надрываясь в крике, Валентин Сергеевич почувствовал, как кто-то схватил его за ногу. Глянув вниз, он ужаснулся. Дно ямы устилало наполовину разложившиеся человеческие тела в обрывках камуфляжа. Одно из них вцепилось ему в щиколотку костлявыми пальцами. На безымянном, между ошметками гнилого мяса, тускло поблескивало кольцо. Тело дёрнуло раздробленным черепом и впилося в лицо Соломатина пустыми глазницами. Панический ужас охватил Валентина Сергеевича, а крик о помощи ледяным комом застрял в его горле. Тем временем еще одно тело протянуло к Соломатину руки и загробным голосом прошипело:

– Иди ко мне... ты мой... ты ответишь...

Крик наконец-то вырвался из горла президента «НВТ». Соломатин дёрнулся, как ужаленный ядовитой змеей, и проснулся. Открыв глаза, он увидел над собой растерянное мужское лицо и закричал еще громче. Лицо отпрянуло.

– Сэр, я стучал, но вы не отвечали, – донесся до Соломатина испуганный возглас.

– А? Что?

– Вы кричали, и я осмелился войти. Сержант Уилсон, сэр! Полковник Гаррисон приказал отвезти вас!

Сон, всего лишь сон, пронеслось в голове Соломатина. Крупные капли холодного пота катились по его лицу.

– Сержант, подождите за дверью, – с трудом выговорил он.

– Есть, сэр!

Приснится же такое, подумал Валентин Сергеевич, ещё и кричал во сне. Кошмар. Интересно, к чему бы? Он дождался, пока сержант исчезнет за дверью, подошел к висящему на стене зеркалу и нахмурился. Видок у него был прямо сказать так себе. Для начала Соломатин обтер вспотевшее от волнения лицо носовым платком. Стало немного легче. Слегка подрагивающие под впечатлением сновидения ладони тут же инстинктивно потянулись к галстучному узлу, поправили его, а затем пригладили растрепавшуюся шевелюру. Напоследок окинув своё отражение критическим взглядом, Соломатин вполне удовлетворился увиденным.

Сержант Уилсон, как и следовало ожидать, стоял у двери.

– Следуйте за мной, сэр! – позвал он.

Спустя пять минут они подъехали к группе построек, на одной из которых красовалась неоновая вывеска «Приют отважных парней». У входа в приют в деревянной кадке стояла живая пальма с запыленными пожелтевшими листьями. Непорядок, улыбнулся про себя Валентин Сергеевич, вспомнив старый армейский анекдот. Почему не покрашено? Пять суток ареста!

– Прибыли, сэр! – доложил сержант.

Соломатин мысленно перекрестился, попросил Всевышнего о помощи и переступил порог бара. За драпированной дверью царил прохладный полумрак. В полумраке разливался бархатный баритон Чарли Стоуна. Звучала популярная до войны песня «Когда я вернусь домой». За стойкой седой негр, из штатской обслуги, меланхолично перебирал пальцами косточки чётки. За столиком в дальнем углу расположился единственный посетитель бара. Сидя спиной к входу, он никак не прореагировал на появление Соломатина: возможно, не заметил, предавшись размышлениям, а может быть, нарочито проигнорировал. В нем Валентин Сергеевич безошибочно угадал Ли Цына.

Завидев гостя, бармен оживился.

– Добрый день, сэр! Занимайте удобное место! – приветливо воскликнул он. – Габриэль, прими заказ у господина!

На зов из дверного проема у стойки выскочил молодой сухощавый латинос в потрепанных облегающих джинсах и белой рубашке, бросил взгляд на бармена, затем на гостя.

– Нет-нет, – поспешил отказаться Валентин Сергеевич. – Если что-то понадобится, я позову.

Негр коротко кивнул, и Габриэль исчез так же быстро, как появился.

Соломатин неторопливо пошел к Цыну. Сердце готово было выскочить из груди, и лишь невероятным усилием воли Валентин Сергеевич сохранял внешнее спокойствие. Шел он, стараясь произвести побольше шума, чтобы привлечь к себе внимание, но Цын точно не замечал ни шарканья по полу ножек отодвигаемых Соломатиним стульев, ни его нарочито громкого покашливания. Весьма удивленный и огорченный Валентин Сергеевич присел на стул напротив Ли Цына. Тот продолжал молча курить толстую кубинскую сигару. Струйка дыма уходила вертикально вверх, поглощаемая системой вентиляции. Перед Ли стоял широкий приземистый бокал с темной жидкостью.

Прошла пара минут, а над их столиком всё еще висело тяжелое молчание. Соломатин уже решил нарушить его, как вдруг поймал глазами взгляд Ли. Этим взглядом Валентина Сергеевича обдало будто холодом вселенской бездны. От когда-то искрометно-лукавых глаз знакомца осталась лишь тень, обрамленная в темные круги. Во взгляде Цына смешались безысходная тоска и боль. В груди Соломатина что-то оборвалось. Неужели это конец, подумал он, неужели всё пошло прахом? Что же могло случиться?

Негнушимися от волнения пальцами президент НВТ с трудом извлек сигарету из портсигара. Краем глаза он заметил, что бармен недоуменно разглядывает молчаливую пару гостей. Надо что-то делать, решил Соломатин.

– Ли, ты меня узнаешь? – спросил он.

Цын по-прежнему молчал.

– Это я – Валентин Соломатин! Ответь что-нибудь, Ли!

Опять тишина.

– Ли, тебе плохо? Что случилось?

– Все умерли, – прозвучало в ответ. – Они все умерли, ты понимаешь? Все!

Кто умер, когда? – промелькнуло в голове Валентина Сергеевича.

– Ли, я ничего не понимаю! Кто умер?

– Жена, дети – все!

Соломатин на некоторое время потерял дар речи. Зная привязанность Цына к семье, а особенно к младшему сыну, он мог представить, что сейчас испытывает Ли. Что же теперь делать? Наверяд ли в таком состоянии с ним можно о чем-то договориться. Надо как-то попробовать расшевелить его, может быть, ему нужно выговориться? Может, после этого он придет в себя? Так думал Соломатин, всматриваясь в лицо Ли, похожее на восковую маску, не выражающее никаких чувств. Прежде чем попытаться завязать разговор, Валентин Сергеевич заказал виски. Официант принес шестигранный стакан, на четверть заполненный светло-коричневой жидкостью. Соломатин залпом выпил, абсолютно не почувствовав вкуса напитка, и, наконец, закурил. После пары затяжек он обратился к Цыну:

– Ли, прими мои соболезнования, я искренне сочувствую тебе.

В этом Соломатин не лгал. Он хорошо знал детей и жену Цына – симпатичную шведку. Когда-то по случаю всё семейство Ли гостило у Соломатина целых три недели. В свободное время Валентин Сергеевич сопровождал их в кафе, кинотеатры, зоопарк и даже успел в некоторой степени привязаться к шумным любознательным пацанам и их заботливой матери.

– Как это произошло? – спросил он.

Прежде чем ответить, Цын вынул сигару изо рта и залпом осушил свой бокал.

– Показательные испытания, – сказал он тихим надтреснутым голосом. – Зачем я поддавался на уговоры, зачем позволил им прийти? Через день Майклу должно было исполниться шестнадцать, и он просил меня взять их на испытания нового самолета. Это было даже не испытание, а скорее показательное выступление перед высшими армейскими чинами. Я был против, но жена упростила сделать мальчикам приятное. Я так много рассказывал им, с каким трудом мои специалисты доводили до ума новую систему управления полетом. Машина могла летать сама, без пилота. Сама анализировала ситуацию, принимала решения, выполняла поставленную задачу без участия человека. Ты понимаешь, что это значит? Это было воплощение моей мечты!

Глаза Соломатина заблестели. Неужели им это удалось, подумал он. Это же такой прорыв! Тем временем Цын продолжал рассказывать:

– При очередном маневре произошел сбой... – Цын запнулся, судорога пробежала по его лицу и плечам, – самолет рухнул прямо на трибуну, просто взял и упал, как камень... Самонадеянный горделивый болван! Почему я не распорядился, чтобы в машине находился пилот? Можно было избежать катастрофы! Эта проклятая куча железа отняла у меня моих мальчиков!

Цын закрыл лицо ладонями и затих.

– А жена, что случилось с ней? – тихо спросил Валентин Сергеевич.

– Инфаркт. Врачи ничего не смогли сделать, – не отнимая ладоней от лица, ответил Ли.

– Почему ты сразу не сообщил мне? – спросил Соломатин, но тут же сообразил, что задал глупый вопрос. – Извини, понимаю... Тебе было не до того.

– Давай выпьем? – предложил Цын. – Теперь я только и делаю, что пытаюсь напиться при первой возможности, чтобы не думать... не вспоминать... И не говори мне, что время лечит, и прочую чушь!

Цын жестом подозвал официанта и заказал бутылку «Джек Дениэлс».

Разлив виски по бокалам, Ли встал. Соломатин последовал его примеру. Они выпили. Цын налил себе еще – до краёв, а Валентин Сергеевич отказался.

Пил Цын зажмурившись. Жадно. Большими глотками. Точно путник, наткнувшийся в знойной пустыне на источник живительной влаги.

– Знаешь, Валентин, а ведь я решил отойти от дел, – сказал он, утерев губы ладонью.

Эта фраза оказала на Соломатина эффект подобный удару обухом по голове.

– Ты в своем уме? А как же компания, бизнес? – оторопело спросил он. – Ведь всё это ты создавал с нуля своими руками! И теперь собрался бросить?

– Да, своими руками. Своими руками я создал то, что погубило мою семью! Своими руками я создавал то, что приносит теперь горе в тысячи семей. Легко не задумываться о гибели посторонних людей, пока через смерть близкого не поймешь, что значит человеческая жизнь! Ответь мне, Валентин, у скольких матерей сейчас разрывается сердце от известия о гибели сына?

– Но это же война, Ли! Не мы с тобой ее начали! Не мы заставляем людей стрелять друг в друга! Разве не так?

– Не заставляем, но подливаем масла в огонь! Мы с тобой предатели, Валентин. Мы предали свои страны, мы делаем деньги на смерти вместо того, чтобы попытаться остановить это безумие!

– Если бы не мы, эти деньги делал бы кто-то другой, это естественный процесс! Тебе не в чем себя упрекать!

Цын встрепенулся, упёршись ладонями в стол, навис над ним и, приблизив лицо к лицу Соломатина, отчаянно прохрипел:

– Как ты не понимаешь?! Мы увлеклись научными изысканиями, бесспорно нужными, продвигающими человечество вперед, но закрыли глаза на то, как их используют! Хотите умную машину?! Пожалуйста, мы еще и не такое сделать можем! Получите свою машину! А то, что ей потом людей давить будут, так нас это не касается? Да, я знал, что будут давить, расстреливать, жечь, но я зарабатывал деньги, ставил бумажки выше человеческих жизней, тысяч жизней! Не пытайся переубедить меня, Валентин. Я уже принял решение и оно окончательное. Я умываю руки... Хотя их теперь вряд ли отмоешь...

Цын обессилено опустился на стул, щедро плеснул виски в бокалы и жадно припал губами к своему.

А Валентин Сергеевич впал в прострацию. Конечно, можно обойтись и без сотрудничества с АIG, думал он, теребя кончик галстука, будет труднее, но это не смертельно, наши головы варят не хуже ихних. Хотя, стоп! Неужели Ли собирается закрыть компанию? Интересно, каким образом?! Да ничего у него не получится! Такую контору просто не прикроешь, особенно в настоящих условиях. Не дадут! Значит, будет преемник, а значит, можно попытаться договориться. Наверняка новый президент не откажется от выгодного сотрудничества. Скорее всего, этот человек и так знает о наших с Ли отношениях, да и его осведомленные коллеги в совете директоров наверняка будут «за». Придя к такому выводу, Соломатин несколько приободрился.

– Что ж, Ли, это твое решение, и ты вправе его принять, – изрек он. – Переубеждать тебя я не собираюсь, хотя мне искренне жаль, что компания потеряет такого руководителя. Ты уже определил, кто займет твое место или предоставишь выбор совету директоров? Ведь нельзя же...

На лице Цына заиграла кривая улыбка.

– С каким удовольствием я бы просто закрыл её! Пустил по ветру! – перебил он Соломатина. – Но замешано слишком много влиятельных людей. Как они засуетились, как забегали, когда узнали, что я ухожу!

– Так кто же займет твое место? – с напряжением в голосе поинтересовался Соломатин.

– Ты его знаешь. Совместно с советом директоров принято решение, согласно которому компанию возглавит Пол Смирнофф.

Вот так номер! – удивился Валентин Сергеевич. Добился своего Паша! Что ж, это только всё упрощает. Уж с ним-то мы найдем общий язык.

Пол Смирнофф, а когда-то Павел Иванович Смирнов, покинул Россию за четыре года до войны. Тогда он работал в НВТ техническим директором, но в силу сложившихся обстоятельств вынужден был перебраться в Штаты, где по договоренности с Соломатиним его приютил Цын. С тех пор Смирнов успел не только поменять имя и переименовать фамилию на американский лад, но и добился высокого положения в «Arms Industries Group», заручился поддержкой новых коллег и теперь собирался занять кресло президента компании.

– Через три недели начну передавать ему дела, – сообщил Цын. – Что скажешь, Валентин, удачный выбор?

– Не сомневаюсь, – ответил Соломатин.

– Особенно для тебя? – попытался «уколоть» его Цын.

– Не буду скрывать, что рад такому повороту событий, раз уж ты решил уйти на покой, – съязвил Валентин Сергеевич. – Надеюсь, нам с Павлом удастся продолжить то, что было начато.

– Продолжить идти по пути безумия?

– Ну, вот зачем ты сгущаешь краски, Ли? Ведь есть и другая сторона медали. Мы будем двигать прогресс, создавать новые технологии! Ну да, сейчас их приходится использовать в военных целях, но можно будет применить и в мирной жизни.

– Если останется жизнь, Валентин... Если останется жизнь...

Раньше ты не был таким пессимистом, с досадой подумал Соломатин. Решил выйти из игры? Твое право! Главное, чтоб не мешал играть другим и помнил, что обратной дороги нет – твое место занято. А всё-таки жаль его. Работа была для него всем, смыслом жизни. Потеряв смысл жизни, человек может не найти его вовсе или найти, но не там, где было бы надо. А ведь Ли – человек особый, непростой... Такой либо уйдёт в монастырь доживать остаток дней в пустопорожних самокопаниях, либо фанатично отдастся новому занятию, например, наведению мира во всем мире. И ради этого он способен пойти на всё. Даже развязать очередную войну, по сравнению с которой все предыдущие покажутся, как говорится, детскими играми на лужайке.

– Ли, скажи, как я могу связаться с Павлом? – закончив мысль, поинтересовался Валентин Сергеевич.

– Я передам ему, что ты хочешь поговорить, – ответил Ли. – Думаю, он найдет способ выйти на связь.

– Спасибо.

– Не стоит благодарностей. Я делаю это без особой охоты и только как дань нашим хорошим отношениям. Все равно, рано или поздно, вы свяжетесь друг с другом. Днем позже, днем раньше – какая разница?

Глава 4

Алекс проснулся от сильного голода, сменил лежачее положение на сидячее и сладко потянулся. Из желудка раздалось грозное урчание.

– Интересно, кормить нас здесь собираются? – тихо спросил Алекс сам у себя и решил поискать кого-нибудь, кто поможет найти ответ. Натянув комбинезон, он выглянул за дверь и нос к носу столкнулся с Соломатинным.

– Как спалось? – осведомился тот.

– Замечательно, – ответил Алекс, выступая в коридор.

– Все проснулись?

– Ребята еще спят. Валентин Сергеевич, нас кормить будут?

Соломатин расплылся в улыбке.

– Проголодались?

– Еще как!

– Ну что ж, будите остальных. Идём ужинать!

Расталкивать спящих пришлось недолго, скорейшему пробуждению способствовало упоминание о предстоящем ужине. Пилоты быстро собрались и последовали за Соломатинным на улицу, где их ждал всё тот же сержант Уилсон, любезно прикрепленный Гаррисоном к Валентину Сергеевичу. В качестве приятного дополнения к сержанту прилагалась машина, которая домчала их к «Приюту отважных парней»

К их прибытию в «Приюте» успели собраться несколько человек в штатовской летной форме.

– Проходите, занимайте свободные места. Я угощаю, – объявил Соломатин, чем заметно обрадовал спутников.

Они сдвинули два столика, подтащили стулья и расположились с максимально возможным комфортом. Официант принял заказ и поспешил выполнять.

– Как на счёт того, чтобы немного выпить? – поинтересовался Соломатин. – Так сказать, на сон грядущий.

– Вообще-то нам не положено... – ответил Алекс, как старший группы.

– Я же не предлагаю напиться вдребодан, – улыбнулся Валентин Сергеевич. – Чисто символически, за успешное окончание операции и возвращение домой без проблем. Обещаю, что никому не скажу об этом маленьком нарушении, – снова улыбнулся президент НВТ. – Впрочем, я не настаиваю.

Лётчики переглянулись. В глазах каждого Алекс прочитал: «Было бы весьма и весьма...»

– Ну, если чисто символически, ничего страшного, – разрешил он после недолгих сомнений.

Официант притащил целую гору вкусностей. Аппетитно запахло жареным мясом, рыбой, оливками и прочей снедью. С подлинно зверским аппетитом летчики набросились на еду. Не отставал от них и Валентин Сергеевич, азартно уплетая форель в винном соусе. Когда голод был утолен настолько, чтобы без вреда для здоровья пропустить рюмочку-другую хорошего алкоголя, на столе появилась бутылка виски. Соломатин разлил спиртное по низким гранёным бокалам и произнес тост: «За успех». Виски оказалось действительно хорошим, но, в общем-то, не лучше нормальной водки.

– Интересно, почему за него столько денег дерут? – поинтересовался пилот «Эскорта3» Олег Голубков. – На мой вкус самогон самогоном.

– Это с непривычки, – тоном знатока заявил Соломатин. – Понимание приходит со временем. А вообще, самогон и есть, – рассмеялся он. – По крайней мере, когда-то это и был обычный мутный кукурузный самогон. Потом придумали, как очищать, изобрели всевозмож-

ные фильтрации и тому подобное. А насчет денег, так он и тут не дешево стоит, плюс перевозка, куча всяких дополнительных процедур, вот и получается баснословная цена.

– Ну, теперь точно знать буду, что лучше водки пива нет, – сказал Олег.

Все рассмеялись. От входа потянуло лёгким сквозняком. В бар вошла большая группа разночинных военных. Зашаркали по полу ножки стульев, зазвучала громкая американская речь. Из подсобки выскочил официант, забегал по залу, принимая заказы.

– Еще по одной? – задал Соломатин риторический вопрос и, не дожидаясь ответа, разлил виски.

Выпили молча.

– Так вот, о чём это я... Ах, да! Помнится, как-то еще до войны приходилось пивать настоящее домашнее виски, – закусывая, продолжил тему Валентин Сергеевич. – Препротивное, скажу я вам, пойло. Давлюсь, чуть не плачу, а не выпить нельзя, хозяин обидится. А уж он такой любитель этого дела был! Утром думал, что до вечера не дотяну, мутило страшно, а он хоть бы хны! Только заначка и спасла: была у меня с собой бутылочка «Смирновской», сто грамм принял, сразу полегчало.

Летчики снова заулыбались и понимающе закивали.

– А у меня такое было... – поддержал разговор пилот «Эскорта- 4» Сергей Краснов. – Как-то раз, почти сразу после распределения из училища, случайно друга встретил. Он проездом у нас очутился. Сообразили вечером на троих еще с одним приятелем. У друга с собой домашний самогон был – мать гнала из свеклы. Тоже гадость оказалась редкая – до тошноты, а он пьет, да нахваливает, вот, мол, какую замечательную вещь моя матушка делает! Ну, естественно, дело привычки. И к мышьяку, говорят, привыкают, если в малых дозах. Еле осилили бутылку, а он вторую достает. Тут уж мы не выдержали, начали отмазываться на тему, что завтра рано вставать и тому подобное, хотя вставать и не надо было. Еле отделались. Что с нами на утро было – не пером описывать, а маслом на холсте – Дали отдыхает. И, как назло, боевая тревога. Поднимаюсь в воздух, а сам чувствую, что сейчас всю кабину уделаю так, что потом не отмоешь. Гермошлем закрывать боюсь, чтоб ненароком не захлебнуться. Вяжываемся в бой, всё вокруг мельтешит, а ориентации в пространстве у меня ноль. Сообщаю командиру, что не могу продолжать, он дает добро на мой выход из боя. Набрал высоту и курсирую туда сюда чуть в стороне от дерущихся. Думаю, может, удастся кого-нибудь зазевавшегося подловить и ударить сверху, хотя понимаю, что навряд ли получится в моем состоянии. И вдруг такой приступ тошноты подкатывает – просто ужас. Не удержать. Начало меня, не к столу будет сказано, выворачивать. И в этот ответственный момент «мозг», как заверещит, что мне в хвост кто-то заходит, а я ничего поделывать не могу, только кишки по приборам размазываю. Лишь только кнопочку нажать успел для полного перехода на автомат, как шандарахнет по мне раз, другой, третий. Ну, думаю, вот он мой конец подкрался незаметно, сейчас для комплекта еще и обделаюсь. Сейчас добивать будут. Но, как ни странно, добивать не стали. Краем глаза вижу, что американец пристроился сбоку, забрало поднял и смотрит на меня. Я посмотрел в ответ, а у америкоса глаза от удивления округлились, еще чуть-чуть и из орбит вывалятся. Стал он пальцем у виска крутить и прочими жестами интересоваться: уж не идиот ли я? На что я ему так же жестами ответил, что никакой не идиот, а с бодуна сильного. Тут он зубы как оскалит, как заржёт. Ручкой мне на прощание помахал, типа, лети, сокол, похмельяйся, и отвалил. А ведь мог добить – как нечего делать! Видно, с понятием мужик оказался.

Дружным смехом компания перекрыла звучащую в баре музыку.

– Это еще что, – продолжил Краснов. – Круче было, когда на грешную землю спустился. Можете представить себе, как я выглядел. Стою – опять же не к столу – заблеванная по пояс, а командир кострошит меня на всех доступных языках и наречиях – полиглот – орет, что под трибунал отдаст, а это он может – суров. Ребята вокруг ржут, как племенные жеребцы. Я пытаюсь оправдаться, говорю, что ни грамма не пил, а траванулся продуктами, привезенными

дружком. Знаю я, какие это продукты, орет командир и продолжает вспоминать всех моих родственников до десятого колена. Наорался вдоволь и отправил меня к врачу. Слава Богу, доктор – знакомец мой давнишний. Договорились, и за бутылку коньяка получил я справку, что алкоголь в крови в пределах допустимого. И доктор вроде как не особо сильно соврал, и мне хорошо. Отмазался, короче. Но с тех пор от одного слова «самогон» в холодный пот бросает.

Снова грянул хохот.

– Что ж это тебя от бутылки на троих так разворотило? – поинтересовался Алекс.

– Так бутылка деревенская была, как положено, полуторолитровая! – оправдался Краснов.

– У нас всего лишь ноль-семь и не свекольный самогон, так не пора ли по третьей? – поинтересовался Валентин Сергеевич и, восприняв молчание как знак согласия, разлил остатки спиртного по бокалам. – За что пьем?

– Хотелось бы за любовь, но третий тост у нас «за погибших», – ответил Алекс. – Пьют стоя и молча, не чокаясь.

Они встали и выпили, чем привлекли еще большее внимание посетителей бара.

– Чего это все на нас косятся? – поинтересовался молчавший до этого Роман Севастьянов, рослый плечистый парень, пилотирующий «Эскорт-2».

– А ты бы не косился на их месте? – усмехнулся Алекс. – Вражеские пилоты распивают виски и ржут, как ненормальные, у них под носом. Да в других условиях они бы давно нас на куски порвали.

– Ну, это еще кто кого порвет! – рыкнул Севастьянов, расправляя плечи.

– Господа! Давайте никто никого не будет рвать, – поспешил вмешаться Валентин Сергеевич. – Все немного выпили, не будем горячиться. Хотя все они знают, кто мы, и в той или иной степени осведомлены, почему мы здесь оказались, но я предлагаю покинуть это гостеприимное заведение, чтобы не вызвать у местных лишнего раздражения. Нам ведь ни к чему неприятности?

– Руки о них пачкать... Нужны мне эти янки, как собаке пятая нога, – полным презрения голосом сообщил Севастьянов. Вдобавок он полоснул взглядом из-под нахмуренных густых бровей по американцам и, движением головы указав на одного из них, громко усмехнулся: – Ты смотри, как пялится! Гляди ты, какой важный, как глаза выпучил. Форма новая с иголочки. Прямо франт. Ха-ха! Вот только нашивки ду-р-р-рацкие! Овалы какие-то.

– Да хрен с ним, Ромка! – отозвался Краснов. – Что он девка что ли, чтоб ты им любовался? Пойдём лучше спать, ребята! Может, настоящие девчонки приснятся!

– Точно! – отозвался Голубков. – Поели, можно и поспать!

На том и порешили. Соломатин щедро расплатился с официантом, и отужинавшие пилоты направились к выходу.

– Погодите, мне бы облегчиться... – тихо произнес Севастьянов, озираясь. – Где у них тут сортир?

– Там! – ответил Алекс, указывая направление рукой. – Иди, мы на воздухе подождем, да побыстрее давай!

– Не мужское это дело – давать, – усмехнулся Роман и направился к двери с надписью «WC».

Воздух на улице заметно посвежел. Позёвывая, пилоты закурили. Тонкими струйками сигаретный дым поднялся к звездному небу, где красовалась огромная Луна цвета окровавленного лимона. Курили молча, каждый думал о своем. Краснов – о том, что в Нижнем Новгороде не бывает такой Луны. Голубков – о том, что дочка вот уже две недели болеет, а он вместо того, чтобы быть рядом, торчит на этой чертовой базе! Именно из-за этого перелёта ему перенесли недельный отпуск на теперь уже неопределенное время. Алекс мечтательно прикидывал, что при такой жаре, как здесь, на Волге должны отменно брать сомы. Эх, сейчас бы оказаться

у костра на берегу реки, лечь поближе к огню, заложить руки за голову и смотреть в звездное небо, а когда на донке призывно затренькает колокольчик, вскочить и тащить к берегу крупную упирающуюся рыбину. Развалившийся в кресле автомобиля сержант Уилсон мысленно клял этих чёртовых русских, что мешают ему поскорее вернуться в казарму и завалиться спать. Лишь Валентин Сергеевич, наконец-то позволил себе ни о чем не думать. Он просто слушал тишину ночи. А ночь выдалась на удивление тихая. На удивление боевым летчикам, привыкшим к тому, что даже ночью на аэродроме, не замолкая, надрываются двигатели самолетов, бряцают всевозможных железяки, то и дело раздаются крики и брань техобслуги. Но здесь, в глубоком американском тылу, ночами царят тишина и покой.

Раздумья летчиков прервала музыка, вырвавшаяся из открывшейся двери бара. Ну наконец-то, подумал Алекс.

– Все дела сделал? – крикнул он в светлое пятно дверного проема, в котором отчетливо виднелся только силуэт человека. Рассмотреть лицо мешало освещение.

Ответа не последовало, а вместо ожидаемого Севастьянова через пару секунд на улицу вышел бармен. Он огляделся, шурясь из-под ладони, и быстрым шагом, немного прихрамывая, подошел к лётчикам.

– Сэр! – обратился он к Соломатину, намётанным глазом определив в нем старшего. – У вашего спутника проблемы. Прошу вас, поспешите, пока с ним не случилось что-нибудь плохое. Мне совсем ни к чему неприятности!

В бар Алекс ворвался первым и на мгновение замер у входа. Путь ему преградила стена из спин в штатовских лётных куртках. Сзади поднадавили свои, и Алекс бросился вперед. Не церемонясь, ткнул одного из янки ладонью промеж лопаток, оттолкнул второго, попытавшегося вцепиться ему в плечо. Почуввав, что прорвался, он крутанулся на месте и принял боевую стойку лицом к врагу. Кто-то сдавленно ойкнул, кто-то захрипел, раздалась грубая иностранная брань. Как вихрь, Краснов и Голубков расшвыряли попавшихся по дороге американцев и в боевой готовности застыли рядом с Алексом. Пока обескураженные янки изрыгали проклятья и угрозы и пытались понять, что стряслось, Алекс успел осмотреться. Увиденное его совсем не обрадовало: на полу у барной стойки чьё-то скрюченное тело, рядом с перекошенной физиономией и сжатыми кулаками изготовился к драке Севастьянов. Алекс беззвучно вымастерился и зло сплюнул под ноги. Угрозы и ругань стихли. Те из американцев, кто только что был брошен на пол, уже поднялись, и встали плечом к плечу с товарищами – во взгляде у всех явно читаемое желание вот прямо сейчас сделать «что-нибудь плохое». Если бы не музыка, в баре установилась бы зловещая тишина. Ну, Рома, ну гад, я тебе припомню, дай только выбраться, подумал Алекс, исподлобья разглядывая сгрудившихся американских лётчиков. Те не спешили, методично готовились напасть – все, как один, стянули поясные ремни, обмотали ими кулаки. Алекс недобро покосился на Севастьянова и обещал себе придушить мерзавца. Но это потом, сейчас главное – дать достойный отпор превосходящему числом противнику. А содрать с Севастьянова шкуру, открутить ему голову, ну, или хотя бы бессрочно засадить «на губу» – после успеется. Еще доля секунды и самый ярый из американцев ринулся вперед – скачок, еще один, широкий замах рукой и неуклюжий, но сильный удар. Как на тренировке Алекс шагнул навстречу противнику, поднырнул под руку, выцелил пяточок подбородка и выстрелил хук с правой. Кулак с хрустом врезался в кость, судорожная боль пронзила пальцы, и Алекс сдавленно прошипел:

– С-с-с-с-ука...

Получив в челюсть, американец осел, как пустой картофельный мешок, тихо всхлипнул и, точно слепой котенок, заметался на четвереньках из стороны в сторону. Его беспорядочные движения на мгновение оттянули продолжение стычки.

– Немедленно прекратить! – раздалось со стороны входа. – Немедленно!

Алекс привстал на цыпочки, чтобы увидеть, кто там ещё лезет в драку, а нападающие все как один обернулись,

– Я требую немедленно прекратить это безобразие! – выпалил Соломатин, уверенно вышагивая к ним.

Один из янки попытался возмутиться и даже встал поперек пути, но выслушать его Валентин Сергеевич не соизволил. Он изобразил на лице глубочайшее презрение, напористо повел рукой и отстранил говоруна. От такой наглости янки потерял дар речи. Прежде чем пройти дальше Соломатин со злостью сказал по-английски:

– Кто дёрнется, закопаю! Живьем!

Следом он повторил примерно тоже, но русским матом. Эти его реплики основательно охладили всеобщий пыл. А Соломатин спокойно перешагнул всё еще ползающего под ногами американского лётчика и подступил к четвёрке русских пилотов.

– Что случилось?! – командирским тоном поинтересовался он.

Алекс буркнул в ответ что-то невнятное.

– Что?! – выпалил Соломатин и по-английски рывкнул: – Что за бардак? Кто затеял?

– Я тоже хочу это знать! – донеслось от двери.

Американцы инстинктивно выпрямили спины, сделали равнение на говорящего. Даже тот, что барахтался под ногами, попытался подняться, но завалился на бок.

Полковник Гаррисон сделал шаг вперед, гневно зыркнул по сторонам – запомнил тех, кого ждет наказание, метнул укоризненный взгляд в Соломатина и жестко произнес:

– Приказываю немедленно разойтись! Завтра жду объяснений в письменном виде! Гостей прошу остаться!

Пока подчинённые выводили пострадавших сослуживцев на свежий воздух, полковник подтащил к стойке стул, сел. Некоторое время он испытующе посматривал то на одного, то на другого русского пилота, затем остановил взгляд на Соломатине и изрёк:

– Рассказывайте.

– Рассказывайте, – на всякий случай перевел Соломатин для Севастьянова, – я буду переводить для полковника.

Все с интересом уставились на Романа

– А что рассказывать-то? – нервно удивился он. – Тут и рассказывать нечего. Вы на улицу пошли, я по нужде. Сделал свои дела и подался к выходу, а тут один из этих... – Роман брезгливо поморщился, – встаёт и прёт мне навстречу. Да еще вид такой сделал... Сквозь меня смотрит и не замечает. Я в сторону, он тоже, я в другую, он следом. Не разошлись мы... Сада-нул он мне плечом так, что мало не показалось. В знак протеста что ли? Ну, я делаю вид, что ничего не случилось, мало ли дураков на свете? Иду дальше, а все на меня косятся, ждут, что будет. Смотрю, второй встает из-за столика и тем же манером навстречу. Ну, думаю, только попробуй ко мне прикоснуться! И этот полудурок точно так же меня толкнуть попытался. Я в сторону уклонился, а он равновесие потерял и прямо мордой в пол воткнулся. Прямо вот сюда, – Роман указал пальцем на пол и добавил: – Даже затрещало что-то. Приложился сильно.

Алекс взглянул, куда показал Севастьянов и заметил пятно крови размером в два немаленьких кулака.

– Заметно, что сильно, – констатировал он. – Говоришь, без твоей помощи приложился?

– Ничего я ему не делал! – ответил Севастьянов, напрягшись так, что под тканью рукавов отчетливо проступили разработанные бицепсы. – Сам о мою ногу споткнулся! Я вашего парня и пальцем не тронул! – выпалил он в лицо Гаррисону.

Соломатин перевел.

– Вообще-то он не наш парень, – процедил полковник в ответ.

– Как это? – удивился Соломатин.

– Летчик-испытатель, нанятый Цыном, – пояснил полковник и с укором добавил: – Нехорошо как-то получается.

Действительно нехорошо, мысленно согласился Валентин Сергеевич и поморщился от досады.

– Придется доложить Цыну, – тем временем продолжал Гаррисон, недобро косясь на Севастьянова. – Вот ведь угораздило! Не хватало еще неприятностей из Вашингтона.

– Я всё улажу! – поспешил заверить полковника Соломатин. – Тем более, Роман ни в чем не виноват. Всё это досадная случайность!

– Случайность? Ну-ну... Я уверен, что в объяснительных не будет и намёка на случайность, – пробрюзжал Гаррисон. – Напишут, что ваш пилот во всём виноват – избил парня!

– Никого я не бил! Мало ли что напишут эти... – громко возмутился Севастьянов, от волнения забывая английские слова. – Есть... другой свидетель!

– Кто?! – в один голос воскликнули Соломатин и полковник.

– Бармен!

Полковник хмыкнул так, что поперхнулся. Когда прокашлялся, посмотрел на Севастьянова, как на идиота.

– Надеетесь, он что-то расскажет?

– Он всё видел!

– Сейчас спросим.

Гаррисон подозвал бармена. Тот подошел медленно, с явной неохотой.

– Смит, расскажите, что тут случилось! – потребовал полковник.

– К сожалению, я ничего не видел! Мы с Gabrielem были на кухне и вышли на шум...

– Что?! – гаркнул Роман. Сжав здоровенные кулаки, он шагнул к бармену и проорал по-русски: – Спелись?! Конечно, своих ты давать не будешь!

– Ну-ка, остынь! – выпалил Алекс, хватая Севастьянова за рукав.

Роман попытался освободиться – дёрнулся так, что рукав затрещал, но Алекс вцепился, как клещ.

– Стоять! – скомандовал он, и Роман подчинился, отступил назад.

– Вот видите, нечего ему рассказать, – ехидно подытожил Гаррисон и картинно развел руками.

– Господин полковник, я всё улажу! – повторил Соломатин. – Ведь, если подумать, ничего страшного не произошло. Ну споткнулся парень, ударился головой, так что ж теперь из этого трагедию делать? Придет в себя, врачи помогут, всё будет хорошо. Разрешите присутствовать при докладе Ли Цыну?

– Поехали.

– Сейчас? – удивился Соломатин. – Ночь на дворе! Ли наверняка спит!

– Не уверен... Он всегда помногу работает и ложится только под утро, – опротестовал полковник. Поразмыслив, он тяжело вздохнул и прибавил: – А если спит, разбудим. Не стоит ждать, пока он всё узнает от других.

Глава 5

Они надеялись, что будут у Цына первыми, но просчитались. Как и предсказывал Гаррисон, президент «AIG» в столь поздний час ещё бодрствовал. Найти его удалось в одном из ангаров. Цын стоял, прислонившись к стене, и слушал невысокого мужчину в мешковатой серой куртке, на спине которой красовалась крупная овальная нашивка с изображением самолёта на фоне восходящего солнца. Я уже где-то видел этот овал, отметил Валентин Сергеевич, пытаюсь припомнить, где именно.

Мужчина с овалом громогласно вещал:

– Это чёрт знает что! Или увеличиваете гонорар, или я отказываюсь работать в таких условиях! Бардак!

– Опоздали, – выдохнул Гаррисон и застыл на месте, как вкопанный.

Соломатин, не мешкая, бесцеремонно схватил его под руку и потянул за собой.

– Господин Цын, я вижу, вам уже всё рассказали! – громко выкрикнул Валентин Сергеевич на ходу.

Мужчина в мешковатой куртке замолчал и обернулся на голос.

– Рассказали, – откликнулся Цын, обогнул мешковатого и пошел навстречу Соломатину. – Очень неприятная история, – изрек он, поравнявшись с Валентином Сергеевичем.

– Такая уж неприятная? Ну упал человек, что страшного?

– А капитан Клейк, – Цын через плечо взглянул на мешковатого мужчину, – говорит, что русский намеренно сбил Брика с ног.

На это Валентин Сергеевич невозмутимо заявил:

– А тот самый русский говорит, что никого не трогал и, тем более, не сбивал! Пострадавший сам виноват, и вообще, под ноги смотреть надо, а то, неровен час, споткнешься!

Цын нахмурился, исподлобья глянув на Соломатина, покачал головой.

– Ли, да не переживай ты так, – ободряюще произнес Валентин Сергеевич. – Ерунда всё это! Ну, толкнул кто-то кого-то... или не толкнул... подумаешь, горе какое! Не делай из мухи слона! Мелочи жизни, чушь!

– Чушь, говоришь? – недобро заговорил Цын. – Завтра испытания, а у лётчика голова разбита!

– Других что ли нет?! – удивился Соломатин.

– Есть один.

– Вот видишь! Всё не так уж..

– Мне нужны двое! – обрубил Цын. – Именно двое!

– Ну-у-у... а если перенести испытания? – неуверенно спросил Соломатин.

– Время поджигает!

– Тебе не угодишь...

Цын как-то странно посмотрел на Соломатина, буркнул что-то под нос и задумчиво сказал:

– Валентин, можно тебя на пару слов?

– Конечно.

Они отошли подальше, так, чтобы не слышали ни Гаррисон, ни мешковатый Клейк.

– Валентин, вот что получается, – начал Цын, – я остался без испытателя, а сроки горят! Конечно, я отхожу от дел, и ты можешь считать, что мне должно быть всё равно, и я должен быть только рад... – Цын внимательно посмотрел Соломатину в глаза и продолжил: – Подставлять других не хочу. Люди трудились, а теперь всё насмарку? Нет испытаний – нет результата! Нет результата – нет денег. Нет денег – труд останется без достойной оплаты. Я мог бы поискать замену среди местных, но не думаю, что Гаррисон позволит рисковать его людьми.

- Что ты хочешь от меня? Говори прямо!
 - Отдай мне кого-нибудь из своих. Я слышал, у тебя целая орава бандитов.
- Услышав это, Валентин Сергеевич впал в лёгкий ступор.
- Что значит отдай? – через силу выдавил он. – Они мне не рабы. Могу лишь попросить...
 - Попроси.
 - Но не гарантирую...
 - Не надо. Всего лишь попроси. Я ведь знаю, ты умеешь убедительно попросить.
 - Ли, ты обещаешь замять дело? Гаррисон переживает, да и мне огласка ни к чему.
 - Постараюсь.
 - Настоящий дипломат, – криво усмехнулся Соломатин.

Ни слова более не говоря, Цын развернулся и, не спеша, пошел к Клейку. Валентин Сергеевич тяжело посмотрел ему вслед, грубо выругался одними губами и побрел к Гаррисону.

- Ну что? – осипшим от волнения голосом спросил тот.
- Всё будет хорошо, – вяло ответил Соломатин.
- Точно? – не поверил полковник.
- Никаких проблем.

Остаток ночи Соломатин провёл без сна. Не раздеваясь, он развалился на диване и напряженно размышлял. Конечно, помогать Цыну я не обязан, думал Валентин Сергеевич, можно и отказаться. Тем более, Ли совсем скоро оставит свой пост... Но Паша... С ним еще работать! Как онотреагирует на срыв испытаний? Это когда-то я помыкал им, как хотел, а теперь придется считаться, мнение учитывать... Вот чёрт! Как Цын распишет, так он иотреагирует! Значит, надо, чтобы Паша услышал только хорошее: Валентин вошел в положение, не остался в стороне, помог! Ну ладно, я-то помочь готов, а пилоты? Не думаю, что они горят желанием поучаствовать в испытаниях. Кто просто так согласится испытывать оружие, из которого потом по нему стрелять будут? Только идиот, а на идиота никто из них не похож. Ясно, что просить бесполезно. Да и приказывать тоже. Сохранов не дурак, наверняка понимает, что моей власти есть предел. Надо как-то заставить! Придумать что-то... Припугнуть! – осенило Соломатина. Напугать последствиями драки! Севастьянов – вот, кто должен испугаться! За такие выходки если не голову, то погоны точно снимают!

Утро Валентин Сергеевич встретил с продуманным планом действий и вскоре поспешил претворить его в жизнь.

- Проснулись? – осведомился он, когда без стука вошел в комнату пилотов.
- Те завозились, приподнялись в койках.
- Проснулись... – проворчал Голубков, подавив зевок. – Что в такую рань? Поваляться бы еще...
 - Разговор есть, – начал Валентин Сергеевич.
 - О чём? – спросил Алекс, уселся в кровати и сладко потянулся.
 - О вчерашнем. Плохие новости, ребята...
- Алекс резко помрачнел, остатки сна слетели с него мгновенно.
- Что стряслось? – спросил он.

– Ночью я говорил с Ли Цыном. Пришлось проявить чудеса дипломатического искусства и пообещать кое в чём посодействовать, чтобы убедить его пойти на уступки и спустить всё на тормозах, но...

Соломатин сделал паузу, обвёл пилотов тяжелым взглядом. Пилоты затаили дыхание, предчувствуя недоброе.

– Что за «но»? – не выдержав ожидания, воскликнул Савостьянов. Как пробка из бутылки, он выскочил из койки и принялся одеваться.

– Час назад полковник Гаррисон сообщил мне, что пострадавший летчик впал в кому, состояние критическое, врачи всерьез опасаются за его жизнь.

Севастьянов застыл, успев натянуть брюки лишь до колена.

– Сразу после этого мне позвонил Цын, – продолжил Соломатин, – и заявил, что в сложившихся обстоятельствах вынужден расторгнуть установленное ночью соглашение...

– Допрыгались, – выдохнул Алекс.

– Да, ситуация сложная, но выход есть! – поспешил заявить Соломатин.

– Какой?

– Ночью Цын просил о помощи, – ответил Валентин Сергеевич, – я решительно отказал. Но теперь помочь ему – наш единственный шанс. Я готов еще раз поговорить с ним. Попробую убедить не поднимать шума...

– Ну, так поговорите! – воскликнул Севастьянов и подтянул брюки чуть выше. – В чём...

– Подожди ты! – перебил его Алекс – Что за помощь? О чём вы? – обратился он к Соломатину.

– Тот янки должен был сегодня участвовать в испытаниях. Сразу же после инцидента Цын обратился с просьбой к начальству базы, чтобы выделили ему кого-нибудь из местных пилотов, но получил категорический отказ. Тогда он попросил у меня помощи в поисках замены... – Соломатин нахмурился и широко развёл руками. – Кто-нибудь из вас справится?

Лётчики удивлённо переглянулись, на несколько секунд в комнате установилась гробовая тишина, нарушаемая только назойливым жужжанием кружащей под потолком мухи.

– А не пошел бы он! – вспылл, наконец, Севастьянов и засуетился на месте, путаясь в приспущенных брюках. – Ничего себе условия! Да хоть бы и сдох американец этот! Что нам сделают? Расстреляют прямо здесь? Нет! А на остальное плевать. Дома дальше фронта не пошлют. Да и как там узнают о случившемся? Только если кто-то растреплет, – Севастьянов подозрительно глянул на Соломатина. – Да и вообще, на месте отцов-командиров я б за такое медали давал!

– Если вы обо мне, то я ни на кого доносить не собираюсь, – заверил Соломатин. – Но, наверняка информация пройдет по другим каналам. Может, вас и не накажут сильно, а вот отметка в личном деле появится – факт! Вам это надо?

– А где гарантия, что она не появится, если мы пойдем на эту авантюру с испытаниями? – зло поинтересовался Севастьянов. – И где гарантия, что из-за этих испытаний нам не будет еще хуже?

– Хуже не будет, обещаю. Не сомневайтесь, предоставьте нам с Цыном решать все проблемы. В общем, думайте. Приказывать не могу, могу только предложить. Я пойду, погуляю, но через полчаса вернусь. Надеюсь, к этому моменту вы примете решение, – сказал Валентин Сергеевич и вышел из комнаты.

Некоторое время пилоты сидели молча.

– Вот влип! – нарушил тишину Голубков. – Что делать-то будем? Конечно, можно послать всех подальше, а там будь, что будет. Может, всё обойдется... Ну, пошумит Звягинцев и успокоится.

– Ладно бы Звягинцев, – засомневался Краснов. – Бери выше. Поставили под угрозу срыва всю операцию. Нам такое пришлют! Слетятся столичные стервятники, и полетят наши пёрышки во все стороны. Может, конечно, и обойдется, но может не стоит рисковать, как думаете?

– А что думать? Не угадаешь, что и каким боком выйдет, – ответил Алекс. – Одна надежда – связи Соломатина. Видимо, они с Цыном хорошо знакомы... Может быть, если поможем Цыну, всё уладится?

Севастьянов обвел всех растерянным взглядом.

– Значит, соглашаемся? – выдохнул обреченно. – Так что ли?

– А есть другие варианты? – Алекс внимательно посмотрел в лицо каждому из парней. Они угрюмо молчали. – Значит, соглашаемся! – объявил Алекс. – Давайте решать, кому участвовать в этой аванюре.

– Чего тут думать?! – встрепенулся Севастьянов. – Из-за меня каша заварилась, мне и расхлёбывать.

– Ты у меня потом нахлебаешься, кашевар! – беззлобно прикрикнул Алекс. – Дай Бог выпутаться, всю жизнь нас коньяком поить будешь, так что не дергайся.

– Короче, расклад такой, – заговорил Краснов, – Севастьянов у нас в запасе, как коньячный монополист; у Олега жена и дочь, его тоже не трогаем. Остаемся мы с тобой.

– Значит, я, – твердо заявил Алекс. – Не обижайся, Серёга, но всё-таки опыта у меня побольше.

– Эх, говорила мама: «Сиди, сынок, дома...», – попытался пошутить Олег, но шутка не удалась.

Решение лётчиков приятно порадовало Валентина Сергеевича. Он немедленно связался с Цыном и уже через час представил ему Алекса.

– Знакомся, Ли! Капитан Александр Константинович Сохранов, – отрекомендовал Соломатин.

– Очень приятно, – сказал Цын и протянул руку.

Смурной и подавленный Алекс немного помедлил, но руку всё же пожал.

– Не буду врать, при других условиях могло бы быть взаимно, – пробурчал он по-английски.

Цын с интересом глянул на него и произнес:

– Ну что ж, дерзкий молодой человек, позвольте ввести вас в курс дела.

– Слушаю.

– Мы испытываем новую авиационную пушку. Пристреливаем, проверяем работу привода управления. Ваша задача – оказать нам небольшую помощь.

– Что я должен делать?

– Немного побыть в качестве подвижной мишени.

Лицо Алекса побледнело, в висках ударило так сильно, что он едва не пошатнулся.

– То есть, как это? – выдавил он.

– Самым обычным образом. Есть два самолета, два пилота. Они поднимаются в воздух, и один стреляет в другого, чтобы проверить работоспособность оружия. Все максимально приближено к боевым условиям.

Алекс часто замигал. В ответ на его недоуменный, требующий поддержки взгляд физиономия Соломатина расплылась в широкой ехидной улыбке. И в Алексе начала закипать злость. Чертовщина какая-то, подумал он, они тут все спятили, что ли? Злость забурлила в гуди капитана Сохранова, как смола в раскаленном котле.

– Валентин Сергеевич, мне кажется, кто-то из нас троих явно не в своем уме, и подозреваю, что этот человек не я, – процедил Алекс, с трудом держа себя в руках.

Валентин Сергеевич, не сдерживаясь, расхохотался и сквозь смех сообщил:

– Господин Цын не настолько кровожаден, чтобы подвергать вас реальной опасности.

– Конечно! – поспешил заверить Цын. – Капитан, неужели вы думаете, что я настолько выжил из ума, что собираюсь вас убить?

– А как я должен думать?! – рыкнул Алекс. Он зверел прямо на глазах. Лицо его перекопилось, губы искривились, обнажив крепкие чуть желтоватые зубы. Всё вместе это походило на оскал дикого зверя. Капитан почувствовал, что еще немного, и он кого-нибудь убьет.

– Ай-яй-яй, – скорбно произнес Цын, – вы неправильно поняли...

– А как я должен был понять? – оборвал его Алекс. – Как шутку? Это вы так шутите?

– Нет. Всё как сказал, но снаряды в пушке, естественно, будут не боевые. Мы специально разработали такой снаряд, который при попадании в мишень разрушается, оставляя на ней всего лишь кляксу и небольшую вмятину. Я вас успокоил? – всё это Цын произнес тоном, которым мудрый профессор наставляет бестолкового студента.

Соломатин вновь громко рассмеялся, и Алекс с трудом сдержал желание, пару раз заехать кулаком в его гладко выбритый подбородок, а потом всласть попинать его обмякшую тушку ногами. Моя бы воля, подумал он, я бы вас...

– Я, конечно, понимаю юмор, – процедил Алекс сквозь зубы, – но не тот, который связан с риском для моей жизни.

– Прошу прощения, если чем-то оскорбил вас, – извинился Цын, выражением лица подчеркивая искренность слов.

Алекс мысленно послал его подальше вместе со всеми его извинениями.

– Когда начнём? – осведомился он.

Цын посмотрел на часы, что-то прикинул в уме и постановил:

– Через два часа.

– Можно осмотреть то, на чем придется летать?

– Конечно. Идёмте.

По ощущениям Алекса до ангара они добирались примерно минут двадцать-двадцать пять. На этот раз пришлось идти пешком, что, впрочем, доставило ему определенное удовольствие. За последние полтора суток двигаться приходилось мало, а привыкший к подвижности организм требовал физической нагрузки.

Всем своим видом черная стрела, именуемая «Ночным охотником», выражала нетерпение, желание как можно скорее вырваться из железных стен и взмыть в небо. От этой картины у Алекса перехватило дыхание.

– Красив, черт! – вырвалось у него.

– Нравится? – поинтересовался Цын.

– Да. Никогда такого не видел...

– Самолет нового поколения! – с гордостью произнес Цын.

– И не жалко такую красоту расстреливать?

– Ни в коем случае! Это он будет расстреливать вас!

– Понятно, – огорчился Алекс. – Размечтался, что на нем полетаю. Ну, а мне-то стрелять придется или надо просто подставлять хвост?

– Стрелять вам не положено! – воскликнул Цын и спустя мгновение категорично заявил: – И, вообще, это было бы бесполезно!

– Неужели? – усомнился Алекс.

– Всей огневой мощности вашего хваленого «МиГа» не хватит, чтобы сбить этого красавца, даже, если ни разу не промахнетесь! Мы прозвали его «Неуязвимым»!

– Ни одного уязвимого места? – спросил Алекс, скривившись. Всем видом он постарался выразить недоверие к словам собеседника.

– Сами понимаете, слабое место есть всегда, – ответил Цын. – Главное знать, где оно и как на него воздействовать.

– Будем искать, – вздохнул Алекс и подумал, что при таком раскладе война точно никогда не кончится.

– И обязательно найдем! – вмешался в разговор Соломатин.

– А посидеть в нем можно? – спросил Алекс, точно мальчишка, просящий разрешения посидеть в новой машине отца.

– Не выйдет.

– Бойтесь, подсматриваю какой-нибудь секрет?

Цын покачал головой.

– Ни в коем случае. Но он не позволит вам находиться внутри.

– Как это? – удивился Алекс.

– В «мозг» занесен список пилотов, которые могут управлять им. Раньше для получения управления достаточно было произнести ключевую фразу, автоматика раскладывала голос на составляющие, определяла личность пилота и полномочия. Теперь учитываются еще и индивидуальные характеристики пилота: вес, частота пульса и множество прочих параметров.

– Хитро придумано.

– Воспринимаю это как комплимент, – сказал Цын и впервые за весь разговор улыбнулся: сдержанно, уголками губ.

Соломатин поморщился, потупил взгляд и, до боли сжав правый кулак, одними губами произнес:

– Обошли, ох, как они нас обошли...

Ну, ничего, наверстаем, придется поднапрячься, продолжил он мысленно. А всё-таки зря Ли решил устраниваться. Заметно, как он преображается, говоря о деле, отвлекается от своего горя и продолжает пестовать «эту проклятую кучу железа». Надо бы поговорить с ним ещё, может, передумает?

– Знаете, – говорил тем временем Алекс, – мне всегда было интересно, наступит ли такое время, когда машина сможет обходиться без человека. И вот теперь вижу, что этот момент не за горами.

– Посвящу вас в маленькую тайну, – тоном заговорщика сказал Цын. – Сейчас вы стоите рядом именно с такой машиной.

При этих словах Соломатин весь превратился во внимание, напрягся и приготовился намертво зафиксировать в памяти всё, что услышит дальше.

– Она вполне может обойтись без человеческого участия для решения поставленной перед ней задачи, – продолжал Цын. – И она практически разумна!

– Разумна? – не поверил Алекс. – Разве это возможно?

– Практически разумна, – уточнил Цын. – Вы знаете, что представляет собой система, именуемая «мозгом», как она работает?

– В общих чертах, – пожал плечами Алекс. – Набор программ по распознаванию образов, речи и управлению механизмами машины.

– В общих чертах так оно и есть, – согласился Цын. – «Мозг» работает на основе заложенных в него критериев и правил, так же, как и человеческое сознание. Отличие человека в том, что на основе базовых правил, накапливая и обрабатывая поступающую информацию, он может строить другие правила. То есть, человек самообучаем. То же самое можно сделать и с компьютерной программой, создать такую систему интеллекта, которая, обладая базовыми навыками, будет накапливать знания, обрабатывать их и на основе этого принимать решения. Это, конечно, очень сложно, но возможно. И этот самолет тому свидетельство, он уникален! Несомненно, многое придется дорабатывать, но фундамент нового здания уже заложен. Теперь требуется правильно уложить кирпичи. А уж как их уложишь... от этого... – Цын запнулся, пристально посмотрел на Соломатина, жадно ловящего каждое его слово, и, не закончив фразу, продолжил: – Пока же всё обучение машин сводится к замене одной версии программного обеспечения на другую – с расширенными возможностями.

– С моим «МиГом» раза два такое делали, – подтвердил Алекс.

– Причем «мозг» любой боевой единицы после обновления может связаться с другими системами интеллекта и модернизировать их до своего уровня, – вмешался в разговор Валентин Сергеевич, показывая, что и он немало смыслит в обсуждаемом вопросе.

– До чего дошел прогресс... – угрюмо пробурчал Алекс. Желание садануть Соломатину в челюсть ещё не до конца покинуло его, и он мысленно примерился, каким манером это

можно вот прямо сейчас осуществить. Мотнув головой, чтобы развеять такой привлекательный мыслеобраз, он обратился к Цыну: – А что вы имели в виду, говоря, что «Охотник» практически разумен?

– Заблокированы некоторые возможности, чтобы система не проявляла излишней самостоятельности...

– Ну да, – снова влез Соломатин, – как бы вам, капитан, понравилось, если бы вы приказывали ему повернуть налево, а он из каких-то своих соображений поворачивал направо, считая, что так будет лучше. Не стоит давать машине полную свободу мысли и осознание себя самой. Если позволить такое, она уже не будет машиной! Зачем иметь кофеварку, которую утром надо убеждать в необходимости сварить кофе?

Алекс представил процесс убеждения и сдержанно хмыкнул.

– Однако, время не стоит на месте, господа, – сказал Цын, взглянув на часы. – Сейчас, капитан, я покажу вам самолет, на котором полетите.

Алекс еще раз окинул взглядом «Охотника» и поспешил за Цыном. За грудой хлама в противоположной части ангара он увидел старенький, буквально допотопный истребитель F-160. Позапрошлое поколение. Кроме того, самолет буквально отживал свое: когда-то отполированные серебристые бока уродовали неглубокие вмятины и широченный царапины, кое-где сквозь обшивку фюзеляжа пробивалась ржавчина. Это зрелище не на шутку разочаровало и насторожило капитана.

– И вот это способно летать?! – воскликнул он. – Корыто! Аэродинамика ни к черту! Да оно же развалится на взлете!

– Это корыто пока ещё неплохо справляется со своими обязанностями! – заявил Цын. – На нем установлена одна из последних версий «мозга».

– Ну да, – проворчал Алекс, – быть мишенью не сложно...

– Смотря какой мишенью! – парировал Цын. – Выжмите из этого самолетика максимум, проявите мастерство! Хоть юлой крутитесь, а сделайте так, чтобы в вас не смогли попасть! Хотя, готов держать пари на что угодно, ни одного шанса у вас нет.

...Первым на взлётку проворно вырулил «Ночной охотник». Коротко разбежавшись, он легко оторвался от земли и стремительно взмыл в небо. Набрал высоту и закружил над территорией базы, ожидая условного противника.

Эф-ка, вибрируя всем корпусом, преодолела земное притяжение.

– Полетаем, – выговорил Алекс так, словно вынес себе смертный приговор.

Превосходство «Охотника» он прекрасно понимал, и было оно таким, что шансов на победу не оставляло. И всё же сдаваться без боя капитан не собирался. В этой критической ситуации он, как это часто бывало, решил сделать ставку на превышение высоты, ведь одна из первых заповедей лётчика-истребителя гласит: в воздушном бою обычно побеждает тот, кто находится выше.

Повинуясь команде, Эф-ка задрала нос и тяжело пошла вверх. «Охотник» заметил её манёвр и начал сближение, чтобы выйти на удобную для прицельного огня дистанцию. Обладая высокой скороподъемностью, он неотвратимо настигал старенький самолётчик, о чем Алексу незамедлительно сообщил «мозг».

– Да вижу я, вижу, – огрызнулся в ответ капитан. – Прекратить набор высоты.

– Выполнено, – отрапортовал «мозг» и выровнял самолет.

– Включить форсаж!

– Выполнено. Время форсажа не более пяти минут.

– Твою ж налево! – вырвалось у Алекса. – Консервная ты банка...

Обычно переход на форсированный режим работы двигателя помогал Алексу оторваться от преследования, но не в этот раз. «Охотник» настиг Эф-ку так быстро, словно она стояла на месте, а не неслась с огромной скоростью. Барабанной дробью спецнаряды ударили

ей в хвост, оставив на металле чёрные кляксы и вмятины. Эф-ка поспешила выйти из зоны обстрела крутым отворотом вправо-вверх. На мгновение навалилась перегрузка, впечатав Алекса в кресло. «Охотник» стремительно проскочил вперед, показав хвост.

– Десять процентов условного повреждения, – бесстрастно доложил «мозг».

В бою, вырвавшийся вперед, «Охотник» мог стать хорошей мишенью. Но сейчас он, не опасаясь получить вдогонку ракету или хотя бы залп из пушки и потому не стал утруждать себя отвлекающими манёврами, а спокойно развернулся и пошел в лобовую атаку. Расстояние между самолётами стремительно сокращалось, еще мгновение и лавина огня сметет беззащитный самолетик Сохранова. Влупить бы тебе прямо в физиономию, да было бы чем, зло подумал Алекс. Сманеврировав, Эф-ка вновь вышла из-под огня. Еще какое-то время «Охотник» пытался атаковать в лоб, но без успеха. Лишь пару раз его снаряды черкнули по фюзеляжу Эф-ки, заставив Алекса грязно выругаться. Наконец, возня с наскоками и разворотами «Охотнику» надоела, и он принялся маневрировать, чтобы зайти противнику в хвост. Раз за разом Эф-ке удавалось вывернуться, но манёвры «Охотника» становились всё изощреннее. И Алекс понял, что бесконечно это продолжаться не может – более совершенная техника рано или поздно возьмет верх.

Так оно и вышло. Крылатый охотник завертелся вокруг самолёта противника, словно разъяренная оса. Пристреливаясь, он сделал залп, потом еще один, затем еще – снаряды легли точно в цель. И начался расстрел. Эф-ка едва не разваливалась под градом ударов. Она металась из стороны в сторону, бросалась то вниз, то вверх и, наконец, каким-то чудом вырвавшись из-под огня, рванула подальше от опасности. Догонять «Охотник» не спешил. Удовлетворенный успехом, он сделал мертвую петлю, затем бочку, показав, что всё еще полон сил, затем спикировал почти к самой земле, а после стремительно набрал высоту. И тут Алекс сообразил, что высокую скорость «Охотника» можно использовать против него. Но для этого...

Вести бой на ручном управлении Алексу приходилось всего пару раз, да и те по обязательной программе в училище. Как раз там он и услышал от инструктора об одном рискованном приеме, которым можно переиграть противника в воздушном бою. Попробуем, решил Алекс, включил ручное управление и бросил самолет вниз, надеясь увлечь «Охотника» за собой. Тот принял правила игры и начал снижение. Заметив это, Алекс включил форсаж и симитировал попытку оторваться от преследования. Пользуясь преимуществом в скорости, «Охотник» начал сближение, готовясь открыть огонь. Внутренним чутьем Алекс уловил момент, когда до залпа оставалась какая-то секунда, потянул штурвал на себя и резко сбросил газ. Эф-ка рванула вверх, а затем как бы подвисла в воздухе, пропустив «Охотника» вперед.

Вот он тот самый момент, когда можно разнести хвост «Охотника» в труху, выпустив по нему парочку ракет! Алекс мысленно возликовал, гордость за успешно выполненный манёвр охватила его. Но эйфория длилась всего лишь несколько мгновений. «Охотник», не мешкая, развернулся и снова пошел в лоб. А ни ракет, ни даже обычной пушки, чтобы достойно встретить его, у капитана не было.

Метод тарана на этой войне ещё никто не применял. Конечно, пилоты обеих стран знали как о его существовании, так и о том, что когда-то этот жест отчаяния не был редкостью, но прибегать к нему не спешили. Да и сделать это можно только на ручном управлении, потому что «мозг», управляя самолетом, всеми средствами постарается не допустить столкновения. Но Алекс-то как раз и шел на ручном! Сердце его учащенно забилось...

«Охотник» приближался, его снаряды ударяли в крылья Эф-ки, безжалостно сотрясая её, а один даже угодил в «фонарь», заставив Алекса вздрогнуть и зажмуриться. В реальном бою такое попадание вполне могло означать конец схватки. Ведь как ни крепко бронестекло, но и его прочности есть предел. Нервное напряжение Алекса достигло предела, в висках глухо бухало, сердце заходило в бешеном танце. Судорожно сжав штурвал, он закусил губу так, что по подбородку потекла струйка крови. Но Алекс не чувствовал боли. Взглядом

он впился в надвигающееся на него черное пятно, скрывающее уже половину неба. Секунда, другая, третья, резкий звук сирены, и голос «мозга» оповестил пилота о возможном столкновении. Именно сейчас «мозг» должен бы выполнить какой-нибудь маневр, чтобы избежать катастрофы. И он бы непременно выполнил его, обладая такой возможностью! Еще секунда... Алекс успел рассмотреть перекошенное лицо капитана Клейка, прежде чем «Охотник» отвернул в сторону, подставил брюхо под возможный огонь. Лишь теперь Алекс ощутил, что взмок настолько, что одежду под комбинезоном можно выжимать.

– Восемьдесят шесть процентов условного повреждения, – услышал он и вернул «мозгу» управление полетом.

Приказ идти на посадку поступил вскоре.

...Как только Эф-ка замерла у кромки взлетной полосы, Алекс протяжно выдохнул и почувствовал, как непомерное напряжение схватки вместе с выдохом уходит из тела. Он стянул с головы гермошлем, закрыл глаза и сидел так пока не услышал серию глухих ударов. Глаза приоткрылись с трудом. Сквозь густые ресницы Алекс увидел Соломатина. Стуча по «фонарю» прихваченной где-то длинной палкой, Валентин Сергеевич оживленно жестикулировал свободной рукой и не менее оживленно что-то выкрикивал. Бронестекло не пропускало звук. Наверное, ругается, не без удовольствия подумал Алекс и открыл кабину.

– Капитан, ну нельзя же так! Вы же могли всех угробить! Что за ребячество такое? – тут же раздалась быстрая речь Соломатина.

– Да ладно, – отмахнулся Алекс.

– Ничего себе ладно! – выпалил Соломатин. – Да если бы я знал...

– Валентин, – перебил Соломатина подоспевший Цын, – не сердись. Молодой человек показал высший класс. Он замечательно продемонстрировал нам, что иногда, чтобы добиться успеха, стоит думать головой, а не полагаться только на электронные мозги. А то, что он немного рискнул, – Цын сделал небольшую паузу, – его можно понять: гордость, амбиции, желание победить, молодость, в конце концов.

Слова Цына приободрили Алекса, даже усталость от боя теперь показалась ему не такой сильной. Он не спеша выбрался из кабины, по услужливо подставленной кем-то лесенке спустился на землю. Здесь к нему подбежал взъерошенный Клейк и, чуть не сбив с ног, возопил:

– Идиот! Что ты о себе возомнил?!

– Прекратите, Клейк! – оборвал крикуна Цын. – Учитесь проигрывать достойно.

Глава 6

Летели спокойно по тому же маршруту, но в обратном направлении. Алекс передал управление «мозгу» и позволил себе немного расслабиться. Недавние события и переживания не на шутку утомили его. Он устроился поудобнее и принялся размышлять о том, что по возвращении неплохо было бы попросить Звягинцева о небольшом отпуске. На пару неделек съездить домой, повидать родителей, может быть, сходить на рыбалку, и, естественно, попариться в баньке. Возможно, даже удастся найти кого-нибудь из старой компании, в которой парились до войны. Лечь в парилке на полку и греться до седьмого пота, а потом чая горячего с мятой – красота. И снова в парилку. А потом домой и в кровать: вытянуться под одеялом и почувствовать сладкую истому во всем теле, и заснуть сном младенца.

Самолеты тем временем не спеша плыли над облаками, в редких разрывах которых виднелась далёкая Земля.

– Тихо крутится планета, помотаюсь я по свету, и, быть может, вспомню путь домой... – тихо пропел Алекс строчки старой песенки.

– Вспомнить-то вспомнишь, но вот когда туда попадешь? – отозвался «Эскорт-2».

– Сразу по прибытии заявление на стол начальству: требую заслуженный отпуск! – ответил Алекс. – Хочу родителей навестить, в баньке попариться.

– Ну-ну. Знаешь, что по этому поводу один мой друг говорил?

– Что?

– Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

– Пусть смеется, – буркнул Алекс, и разговор на этом оборвался.

Дорога домой всегда короче и приятнее. Одна беда – лететь опять приходилось медленно. От усталости, помноженной на вынужденное безделье, Алексу захотелось спать – так сильно, что даже обострившееся за годы войны чувство самосохранения с огромным трудом удерживало от того, чтобы «клюнуть носом». Хотя бы музыка какая-нибудь играла, подумал капитан, зевая во весь рот, всё б веселее.

– Обнаружены два объекта. Курс – встречный. Удаление – четыре тысячи метров, – предупредил «мозг».

Сон как ветром сдуло. В этом коридоре никого не должно быть!

– Удаление – три с половиной тысячи метров.

– Характеристики объектов!

– Самолеты противника. Тип – истребитель F-240.

– Твою мать...

– Командир, что будем делать? Они явно идут на сближение!

– Спокойно, «Третий», сейчас разберемся.

– Установить связь с обнаруженными объектами.

– Выполняется, – отрапортовал «мозг», послал запрос связи на открытом канале и вскоре сообщил: – В сеансе связи отказано.

– Повторить.

– Выполняется... Отказано.

– Продолжать попытки до установления связи.

– Выполняется.

– Установить связь с сопровождаемым объектом!

– Выполнено.

– «Посланник» на связи.

– Где там ваш главный?

– Соломатин слушает.

– Встречным курсом движутся два американца, попытки выйти на связь игнорируют. Что происходит?

– Не знаю. Мы затребовали землю, там их тоже засекали, пытаются связаться, пока безуспешно.

– Ну, а нам-то что делать?

– Снижаем скорость и продолжаем движение. Оставайтесь на связи.

– Удаление – две тысячи девятьсот метров.

– Каким ветром их сюда занесло? – поинтересовался «Четвёртый». – Может, случайно залетели, без умысла?

– Если бы случайно и без умысла, то, по крайней мере, своим бы ответили, а так молчат, как партизаны, – проворчал Алекс. – Чует мое сердце недоброе.

– Сплюнь, командир, только этого нам и не хватало для полного комплекта!

F-240 шли под слоем облаков, избегая визуального контакта. Численным превосходством они не обладали, и на их месте Алекс не стал бы ввязываться в бой, не имея на то специального приказа. А что, если такой приказ есть? – вдруг пронеслось в его голове. Тогда основная цель – «Посланник»! Ни на секунду нельзя упускать его из вида!

– Удаление – две тысячи сто метров.

– «Посланник», что-нибудь прояснилось?

– Тишина! Они по-прежнему не отвечают земле.

Времени на раздумья не оставалось, наставало время действовать.

– Перейти в боевой режим! – скомандовал Алекс. – «Второй», остаешься с «Посланником», задача остальных – установить визуальный контакт с противником. Дальше по обстановке.

Тройка русских истребителей вынырнула из облаков. Американцы приближались, по-прежнему отказываясь выходить на связь, расстояние быстро сокращалось.

– Атакуем, командир?

– Сначала предупредим. Может, одумаются?

Перед предупредительным выстрелом МиГ Алекса качнул крыльями, пытаясь вызвать противника на контакт. Ответа не последовало. Тогда Алекс выбрал одну из Эф-ок, сместил прицел чуть в сторону, чтобы не задеть самолет и надавил на гашетку. Трассирующие снаряды с визгом с визгом рассекали воздух в двух метрах от крыла американца. В ответ на это Эф-ки резко ушли в правый вираж. На их крыльях Алекс отчетливо разглядел черных драконов, из пасти которых вырываются языки красного пламени.

– Вольные охотники! – выкрикнул в эфир «четвёртый». – Этим отморозкам на все законы плевать!

К «Вольными охотниками» у русских пилотов имелись особые, подписанные кровью счёты. Эскадрилья «Вольных охотников» являлась элитной частью ВВС США и формировалась из опытных летчиков, которым доверяли выполнение самых сложных и ответственных заданий. Свое прозвище получили они в силу особой любви к охоте в одиночку или парой: вылетали в районы вероятного появления противника и поджидали его. Нападали дерзко, а бились бесстрашно. Не боялись даже драки с численно превосходящим врагом и не редко выходили из таких схваток победителями. Все «охотники», кроме огромного опыта, отличались ещё и жестокостью: если другие давали катапультировавшемуся летчику благополучно приземлиться, то каждый «охотник» считал своим долгом добить врага. Бывало, атаковали они и транспортные самолеты с красным крестом на борту.

Ясно, что «охотники», ясно, что сволочи, лихорадочно соображал Алекс, но не настолько же они дураки, чтобы самовольно напасть на нас? Стоп, а почему они? Они ведь не стреляли... Я первый начал! Получается, что они меня на понт взяли и теперь имеют

полное право расстрелять. Это у меня нервы сдали, а они – честные парни – потом оправдаются, скажут, что оборонялись. Твою мать! Дурак!

– Командир, они атакуют! – предупредил «Третий».

– Александр Константинович, что у вас происходит? – раздался в эфире голос Соломатина.

– Свяжитесь с землей, скажите, что мы подверглись нападению, ведем бой!

– Капитан Сохранов, я приказываю вам...

– Завершить сеанс связи с сопровождаемым объектом! – приказал Алекс, не дав Соломатину закончить фразу, и мысленно направил его по общеизвестному маршруту. – Расклад такой: валить обоих, нельзя чтобы кто-то из них ушел. «Четвертый», атакуем! «Третий», действуй по обстановке!

– Есть, командир!

– «Четвертый», я беру ведущего! Ведомый твой!

– Понял!

Американцы приближались: впереди ведущий, чуть сзади и выше – ведомый. Алекс приготовился встретить ведущего огнем, а «Четвертый» начал маневр с целью зайти в хвост ведомому. В ответ ведомый переключился на «Четвертого» – пошел в лобовую атаку. На помощь «Четвертому» выдвинулся «Эскорт-3». Вот так-то лучше, – подумал Алекс, – посмотрим, из чего вас лепили! В этом бою он решил повторить то, что сделал в недавнем учебном: перешел на ручное управление и стал поджидать ведущего американца. Как только расстояние позволило вести прицельный огонь, Алекс надавил на гашетку, и дымные ленты трасс устремились к Эф-ке. Американец не замедлил ответить: крупнокалиберные снаряды забарабанили по корпусу МиГа. Обоих пилотов спасала только крепкая лобовая броня. Нервное напряжение возросло до предела, каждый из летчиков боролся с желанием отвернуть в сторону. Секунда, другая и американец не выдержал: резко рванул в сторону – вверх, подставляясь под огонь. Залпом из всех орудий Алекс вскрыл брюхо Эф-ки, как консервную банку. Некогда стремительная и проворная железная птица в мгновение ока превратилась в груды бесполезного металлолома. Словно пытаясь понять, что же стряслось, она на несколько секунд подвисла в воздухе и рухнула вниз, навстречу голубой глади океана.

Расправившись с этим, Алекс переключил внимание на второго «охотника». Тот всё еще ловко уклонялся от атак «Третьего» и «Четвертого», а иногда даже исхитрялся атаковать кого-нибудь из них.

– Ну, что вы там возитесь?

– Вертлявый гад попался! – ответил «Третий».

– Кончайте быстрее!

– Легко сказать! Помог бы лучше!

Но до того, как Алекс успел вмешаться в драку, то ли «Третий», а то ли «Четвёртый», в суматохе было не разобрать, умудрился-таки зацепить Эф-ку. И из её турбины потянулась струйка чёрного дыма. Американец, не медля, метнулся в облака, чтобы сбить пламя и уйти от преследования.

– Смоется! – выкрикнул Алекс.

– Да ладно тебе! – откликнулся «Четвертый».

Визуальный контакт был потерян, но «мозг» каждого МиГа цепко держал «охотника» в своих электронных лапах, отслеживая его координаты.

– Объект удаляется, – такое предупреждение получили пилоты «Эскортов».

– Что за ним бегать? Я его сейчас ракетой достану! – предложил «Четвёртый».

– Действуй! – одобрил инициативу Алекс.

Самонаводящаяся ракета, отмечая свой путь шлейфом грязно-белого выхлопа, отправилась вдогонку американцу. На экране радара было видно, как расстояние между ней и убегаю-

щим самолетом неумолимо сокращается. Американец заметался, как муха под угрозой мухобойки, пытаясь скрыться от наступающей смерти. Он то опускался под облака, то поднимался над ними, то уходил в них, как в дымовую завесу. Вот он еще раз поднялся над белой дымкой, и две точки на экране радара слились в одну.

– Капут! – воскликнул «Четвертый». – Ну мужики, задали мы им перца!

– Обнаружен объект. Тип объекта: ракета класса «воздух-воздух», – отрапортовал «Мозг».

– Твою мать! – выпалил «Третий». – И когда он только успел?

Соломатинская «Тушка» под охраной «Второго» находилась неподалеку. За их положением в пространстве Алекс не забывал следить даже во время схватки. И теперь он мгновенно сообразил, что самой уязвимым для ракеты является именно неповоротливый «Посланник».

– «Второй», у вас проблемы! – выкрикнул Алекс в микрофон.

– Вижу!

– Вероятная цель – «Посланник». Постарайся отвлечь ракету на себя, потом что-нибудь придумаем.

– Понял! Высыпаю «Гвозди»!

Под хвостом «Второго» заискрилось и задымилось. Отстреливая ложные тепловые цели, он закрутился в стороне от «Посланника».

– «Третий», чего ждешь? Ставь помехи!

– Есть!

– «Четвертый», пробуем сбить. Огонь!

Пушки МиГов заговорили одновременно, выплёвывая килограммы металла в несущуюся к «Тушке» ракету. Всё «в молоко». Грузный лайнер неуклюже затрепыхался, пытаясь уйти от опасности, но ракета следовала за ним, как привязанная. Отвлекаться на «Второго» она тоже отказывалась.

Еще несколько секунд, и участь «Посланника» решена. Медлить было нельзя, и Алекс бросился наперерез... Спустя всего лишь мгновение, скоротечное, как взмах клинка, но показавшееся капитану целой вечностью, раздался оглушающий взрыв. Не защищенный броней «Туполев» развалился бы на куски, а МиГу всего лишь разворотило крыло и посеколо осколками фюзеляж. Самолет потерял управление и с раздирающим душу рёвом, переходящим в протяжный вой, устремился вниз. За ним потянулась широкая полоса черного дыма. Пилот пострадал не так сильно, как машина. Можно сказать, отделался лёгким испугом: при взрыве открылся замок фиксирующего ремня, и Алекс ударился грудью о штурвал с такой силой, что в глазах зарябило, а в ушах жалобно пискнуло. Дыхание сбилось, и капитан судорожно хватал ртом воздух.

– Пилот должен немедленно покинуть машину, пилот должен немедленно покинуть машину! – затараторил «Мозг» под резкое завывание сирены. – Тридцать секунд до автоматического катапультирования! Пилот должен немедленно покинуть машину...

Алекс, сглотнул пересохшим горлом и дернул ручку катапульты. Под сиденьем грозно зашипело, раздался хлопок и Алекс, как пробка, вылетел из кабины вслед за отстреленным фонарем.

– Самолет подбили, – болтаясь на стропах, переиначивал он старый анекдот, – это плохо, парашют раскрылся – это хорошо. Внизу, куда ни глянь – вода. Это просто отвратительно!

Приводнился он мягко, быстро скинул тянущий под воду парашют и лег на спину. Водичка оказалась прохладной. Включив подогрев комбинезона, Алекс стал прикидывать, как ему теперь быть. Первая мысль, что пришла в голову, советовала воспользоваться спутниковым коммуникатором. Алекс сунул руку в нагрудный карман и обнаружил, что коммуникатор безнадежно разбит – вдребезги – в ладони хрустнули мелкие пластмассовые осколки. Ну что за невезение такое? После нескольких минут тяжких раздумий, Алекс заметил в небе само-

лет. Описывая круги, самолет постепенно снижался, и вскоре стало ясно, что это МиГ Севастьянова. Кричать бесполезно – Роман не услышит, и Алекс принялся размахивать руками. Увлёкшись, он то и дело срывался – пытался выкрикивать что-то нечленораздельно-ругательное и тут же умолкал, хлебнув солёной океанской воды.

По его ощущениям прошло уже очень много времени, а привлечь внимание Севастьянова всё не удавалось. Алекса так и подмывало крикнуть: «Протри глаза!». Гоня мысль о том, что вот сейчас самолет сделает последний круг и улетит, Алекс продолжал махать руками. Эффект от этого по-прежнему оставался нулевым. Тут Алекс неожиданно вспомнил о сигнальной ракете, лежащей в кармане комбинезона, но прежде, чем успел воспользоваться этим последним шансом, МиГ пронесся прямо над ним, пару раз качнув крыльями.

– Ну, слава Богу! – выдохнул Алекс и облегченно вытянулся на водной поверхности.

Рома засёк, а, значит, есть надежда, на спасение, подумал он и почти успокоился, как вдруг в голове закопошилась мысль о том, как скоро могут начать спасательную операцию. Если будут медлить с поисками, согласовывать всякие глупости, то можно и отдать Богу душу! Сколько продержусь на плаву? Водичка-то не самая теплая и «задубеть» проще простого. Зародившаяся где-то в глубине подсознания, песчинка беспокойства росла, грозя превратиться в глыбу всепоглощающего страха. Где находится берег – ясно, но смогу ли доплыть, хватит ли сил? Стоп, не паникуй раньше времени!

В конце концов, Алекс сумел задавить в себе паникёра и решил никуда не плыть, по крайней мере, пока энергоресурс комбинезона позволяет согреться.

...Стемнело. Легкий ветерок разогнал облака, нарушил штиль. Океан легко заволновался. Вскоре Солнце уступило место Луне. Пришла ночь, и океан, насколько хватало взгляда, засверкал. В своем блеске он соперничал с далекими звездами, переливался всеми цветами радуги. Что-то светящееся липло к рукам, и Алекс с удивлением разглядывал искрящиеся ладони.

Несмотря на потрясающее разнообразие красок, ночь показалась Алексу пыткой. Время текло невообразимо медленно. Уставший организм требовал отдыха. Спать хотелось – хоть спички в глаза вставляй, а заснуть-то нельзя. Тут же хлебнешь воды и гудбай. Из последних сил борясь со сном, Алекс подумал, что надо срочно чем-то себя занять, но чем? Не придумав ничего лучше, он уперся взглядом в небо и начал сосредоточенно рассматривать звезды, а потом принялся считать их. За этим занятием к нему в голову сами собой прокрались строчки песни:

Мы к звездам рвались в вышину,
Неведомые маленькие люди.

Он сам не заметил, как, пытаясь вспомнить продолжение, стал напевать вслух:

И звезды привели нас на войну,
И были звезды на погоны и на груди:

Из золота, но больше из свинца,
Крест на крест, а потом на половины,
Но было мало – по приказу подлеца
Нам эти звезды выпускали в спины.

Одни погасли, новые зажглись,
На головы нам сыпались без счета.
Считать – не стало меньше – зареклись,

Потери не заметят звездочеты.

Поймав себя на исполнении вслух, Алекс вспомнил, как когда-то давно одна девчонка безапелляционно заявила, что его голосом только в туалете «занято» кричать. Тогда он жутко обиделся, а сейчас от души рассмеялся. Все-таки, как со временем меняется отношение ко всему, даже к себе. Раньше переживал из-за отсутствия голоса, а теперь знаю, что это не самое страшное, теперь мне наплевать: хочу петь и буду петь, кому угодно и где угодно! Только дай Бог живым остаться. И он продолжил:

Им не увидеть в самом страшном сне
Такого ангельски безоблачного неба:
Висели звезды в самой дальней вышине,
И вот одна из них упала слева.

И те, кто встречи жаждал, дождались,
Их встретят залпом тысячи орудий.
Шел звездопад, и возносились ввысь
Неведомые маленькие люди.

А вообще, странно и страшно, наверное, выглядит человек, дрейфующий на спине по океану и распеваящий при этом во всю глотку, предположил Алекс. Можно и за сумасшедшего принять, ну и ладно! Он немного помолчал и, от нечего делать, снова запел:

В грудь вплавлен крестик,
И поздно мне бежать к врачу.
Мой номер – двести,
Я, наконец, домой лечу.

И над землёю
Клубятся дымкой облака,
А вслед за мною
Бежит последняя строка.

Вдаль по уступам
Спешит конвертик голубой.
Как это глупо —
В нем попрощался я с тобой.

Когда неожиданно...

Этот вокальный эксперимент был вероломно прерван захлестнувшей певца волной. Отплевавшись, Алекс попытался было продолжить, но другая волна не замедлила последовать примеру первой.

– Черт! Только шторма мне и не хватало! – прохрипел Алекс сквозь кашель.

А ветер крепчал. Волны, пока еще не большие, набегали одна за другой. Пришлось прилагать некоторые усилия, чтобы оставаться на поверхности, переваливаясь через водные гребни. Неожиданно внимание Алекса привлек странный звук, раздавшийся где-то вдалеке, похожий на удар волны о резиновый баллон. Алекс востроился и принялся внимательно вслушиваться в голос ночного океана. Но ничего, кроме какофонии воды и ветра расслышать ему не удалось.

Возобновить пение возможности более не представлялось. Стихия навязывала Алексу утомительную борьбу за выживание. Разгуливаясь всё более, она играла с человеком, как кошка с мышью: то затаивалась ненадолго, давая небольшую передышку, то набрасывалась на несчастного с новой силой, желая показать, что он полностью в ее власти. Когда забрезжил рассвет, Алекс успел вдоволь наглотаться солёной воды и совершенно выбился из сил. Еще немного, и мне конец, подумал он.

Багровое Солнце неспешно взбиралось на небо, безучастно рассматривая в разрывы облаков обреченную игрушку океана. Что ему, источнику Жизни, до одного обессилившего погибающего существа: разве исчезнет хлебное поле, если сорвать на нем один колос? Его задача – обогреть миллиарды, жаждущих света и тепла, колосьев. Оно, как хороший правитель, должно заботиться о благополучии всех подданных, не выделяя кого-то конкретного, не распыляясь на мелочи. А что такое гибель одного колоса по сравнению с сохранением поля? Вроде бы мелочь... Но упрямое существо никак не хотело смириться со своей участью и продолжало бороться за жизнь. В этой борьбе оно проявляло завидное упорство, вновь и вновь карабкаясь на громоздящиеся водяные валы. Возможно, это упорство и решило его судьбу: бесстрастное до сих пор, светило протянуло к человеку тонкий лучик...

Оказавшись на гребне очередной волны, неподалёку от себя краем глаза Алекс заметил слабое поблескивание, источником которого, как ему показалось, является какой-то объект необычной, но неожиданно знакомой формы. Объект быстро скрылся в волнах, и отчетливо рассмотреть его Алексу не удалось. Обрушившись вниз вместе с водной массой, Алекс несколько секунд пытался сообразить, что же это могло быть. И вдруг, капитана словно током ударило, в голове, затмевая всё остальное, образовалась мысль: «неужели это...». Не доверяя своим глазам, додумывать невероятную и такую желанную догадку Алекс не стал, а принялся остервенело взбираться на следующую волну, чтобы подтвердить увиденное. Объекта не было. Не теряя надежды, Алекс снова и снова оседлывал пенящиеся гребни и вглядывался в штормящий океан. Только бы не померещилось, твердил он про себя, барахтаясь в волнах, и вскоре его старания оправдались. Взобравшись на очередной вал, Алекс, наконец, рассмотрел источник блеска. Догадка получила подтверждение. В солнечном луче сверкал шар спасательной камеры – такие используют американские летчики для спасения в океане. Собрав остатки сил, Алекс решился на последний рывок. Сил оставалось совсем мало, и потому плыть было крайне трудно. Рассвирепевшая стихия никак не хотела отпускать попавшего в нее в лапы человека. Она захлёстывала его волнами, бросала из стороны в сторону, стараясь отшвырнуть от намеченной цели. Но человек оказался дьявольски упорным. Широко загребая слабеющими руками, отплёвываясь и натужно дыша, он приближался к своему спасению.

Последние метры Алекс преодолел, что называется, на последнем дыхании. Ударился плечом в шарообразный корпус камеры, вцепился мертвой хваткой в пластиковый поручень и обессилено повис на нём, отдавшись на волю волнам и ветру. Окончательно измотанный, он так и болтался бы на буксире, но шторм диктовал свои условия. Подчиняясь им, шар разворачивался в волнах самым неожиданным образом, грозя увлечь Алекса под воду.

– Нигде мне нет покоя, – устало усмехнулся Алекс и, вдохнув, добавил: – Ну и где тут у нас вход?

Обнаружить входное отверстие труда не составило – пришлось всего лишь немного развернуть камеру – оставалось его открыть. Но вход оказался задраенным изнутри! Мощный нервный импульс мгновенно пронзил Алекса. Вот об этом-то я и не подумал, пронеслось в его голове, значит, внутри кто-то есть, но кто? Кто тут может быть? Хотя... Как же я сразу не сообразил: наверняка кто-то из сбитых американцев! Ну и что прикажете делать? Застрелиться? Стоп! Только без паники! Надо срочно что-то придумать. Так, что мы имеем? Имеем меня собственной персоной и шар с американцем внутри. И что? Есть два выхода, вернее три: можно попытаться проникнуть внутрь, но теплый прием не гарантирован; можно закрепиться за поручень

чень и остаться снаружи – хорошего тоже мало; можно продолжить самостоятельно барахтаться в воде, надеясь, что шторм закончится, и потом меня найдут свои... возможно, мертвым.

Третий вариант Алекс отбросил сразу. И хотя второй его тоже не радовал, но для начала было решено прибегнуть к нему. А для этого нужно было чем-то привязаться к поручню. Обшарив карманы, ничего подходящего он не нашел и сильно пожалел, что даже шнурков на ботинках комбинезона нет. Беззлобно выругавшись, Алекс углубился в беспокойное раздумье. Раздумье вышло одинаково беспокойным и бесполезным: мысли путались и метались в гудящей от усталости голове, и, казалось, она вот-вот лопнет. Шторм тем временем усилился. Волны вздыбились пуще прежнего, и одна из них, ударив в тандем «человек-спасательная камера», разделила их, накрыв Алекса с головой. Вынырнув, он усиленно заработал руками, стараясь нагнать уносимый водой шар, а когда нагнал и приготовился вцепиться, шар крутанулся вокруг оси и уставился на него смотровым иллюминатором. Алекс резко отпрянул в сторону: в иллюминаторе виднелось чье-то лицо...

Рефлексы сработали мгновенно. Алекс нырнул, немного проплыл под водой, огибая камеру, чтобы выйти из поля зрения того, кто смотрит в иллюминатор, затем осторожно поднял голову над поверхностью и схватился за поручень. Надо же быть таким идиотом и забыть об иллюминаторе, – укорил он себя мысленно. Хотя, какая разница: заметили меня или нет? Полезет он выяснять отношения, что ли? Уж не раньше, чем кончится шторм! Придя к такому успокаивающему и одновременно безрадостному выводу, Алекс вновь попробовал хоть как-то закрепиться на корпусе шара. И тут, слава Богу, вспомнил о пояском ремне. Но надо растегивать комбинезон. Задача вышла нелегкая в таких условиях. Да и воды напустил, вымок до нитки. И вот, наконец, ремень в руках. Осталось только привязаться...

Удар нового водяного вала, едва ли более слабый, чем предыдущий, опять отбросил Алекса в сторону. Пришлось всё начинать заново – догонять уплывающий шар. И тут следующая волна, как бы исправляя сотворенное предшественницей, подхватила Алекса и швырнула на вибрирующий корпус камеры, ткнула лицом прямо в иллюминатор. Схватившись за изгибающийся пластик, Алекс распахнул закрывшиеся при ударе глаза и встретился взглядом с американцем. Всё это произошло настолько неожиданно, что первой реакцией Алекса оказалось желание немедленно спрятаться, раствориться, стать невидимым. Но к таинству магии он приобщен не был, а прятаться было некуда, да и глупо. Попался, подумал Алекс, и усилием воли изобразил подобие улыбки. Американец будто бы и не заметил происходящего у него под носом. Вот те раз, подумал Алекс, всматриваясь в его застывшее, как маска лицо.

– Эй! Ты меня видишь? – прокричал он, стуча в иллюминатор.

Ответа не последовало, как, впрочем, и каких-либо изменений в необычном поведении хозяина шара. Он по-прежнему игнорировал появление невесть откуда взявшегося гостя.

– Да ты ослеп что ли? – разозлился Алекс, саданул кулаком по толстому стеклу и поймал себя на каком-то странном ощущении...

Он быстро протер ладонью залепленный брызгами иллюминатор и, присмотревшись получше, понял, что что-то не так в этом упершемся в него пустом взгляде, словно стеклянных голубых глаз... мертвых глаз...

– Труп! – вырвалось у него.

Резвящиеся волны продолжали швырять камеру из стороны в сторону. В сложившейся ситуации становилось совершенно глупым висеть на ней, как обезьяна на пальме. Цепляясь за поручень, Алекс переместился к входу и достал нож. Попытки отыскать зазор между окантовкой входного отверстия и закрывающей его заслонкой закончились ничем.

– Ну, не вспарывать же тебя? – обреченно произнес Алекс, ощупывая заслонку.

Промучившись еще немного под шквальными порывами ветра, он пришел к выводу, что иного выхода нет. Прочный пластик поддался не сразу. Лишь после десятка ударов удалось проковырять в нем небольшое отверстие. Расширив его настолько, чтобы просунуть руку,

Алекс нащупал запоры, поочередно открыл их, с трудом подтянулся и ввалился внутрь. Следом в шар хлынула нагоняемая ветром вода. Не теряя времени, Алекс задраил вход и огляделся. Никого. Только покойник в скрюченной позе на полусогнутых приник к иллюминатору.

– Сейчас, только отдышись, – непонятно зачем сказал Алекс труп и тут же провалился в сон.

... Сколько проспал, Алекс определить не смог. Наручные часы остановились, но по свету из иллюминатора капитан понял, что за бортом день. Шар вел себя на удивление спокойно, качка была еле заметна. Вставать Алекс не спешил, да и «вставать» оказалось чисто условным понятием в ограниченном пространстве спасательной камеры. Лежа с закрытыми глазами, он думал о том, как все-таки мало порой надо для счастья – всего-то лишь, чтобы было тепло и сухо. Вскоре лежать на спине надоело. Перевернувшись на живот и приподняв голову, Алекс вновь увидел труп.

– Привет, бедолага. И от нас ты ушел, и от шторма уберегся, а тут почему-то помер... да ещё в такой странной позиции...

Пролежав ещё с минуту, Алекс попытался придать себе более-менее вертикальное положение. Поднялся с трудом, все тело ломило, переработавшие мышцы набухли и болезненно отзывались даже на самую небольшую нагрузку. Стоять пришлось согнувшись в три погибели, но ползать на коленках капитану почему-то не захотелось. Он подобрался к трупу, осторожно попытался отстранить его от иллюминатора и увидел, что из груди покойника торчит заостренный металлический обломок, впившийся в стенку камеры и покрытый запекшимися сгустками крови.

– Так это, наверное, шторм тебя так подвесил, – сообразил Алекс. – И как же ты с железкой в груди сюда забрался?

Придумывать варианты ответа смысла не было. Алекс оттащил мертвого к выходу и снова лег. Повалившись немного, он ощутил желание пить, да и поесть было бы весьма кстати.

Сухой паёк лётчика весьма скуден. В маленьком пластиковом поддоне Алекс обнаружил четыре галеты, плитку горького шоколада, два ломтика хлеба, небольшой кусок спрессованной ветчины, пакетик соли и тюбик с апельсиновым соком. Как говорится, не густо, но и не пусто. Слегка перекусив, чтобы приглушить голод, он тщательно упаковал остатки продуктов. И уселся к иллюминатору.

Иллюминатор услужливо показал Алексу океан – тревожимая слабенькими волнами водная поверхность и более ничего. И что, вот так вот тупо сидеть и ждать пока хоть кто-нибудь меня найдет, размышлял Алекс, вглядываясь в даль. Вот если бы как-то дать знать о себе... Постой! А что если... Встрепенувшись, он подскочил к покойнику и принялся рыться в его карманах. В них нашлись: записная книжка; непонятно каким образом оказавшаяся у лётчика противопехотная граната и, о счастье, портативный спутниковый коммуникатор! Радости Алекса не было предела. Он предусмотрительно спрятал гранату в карман, а затем на лицевой панели коммуникатора нажал кнопку, под которой мелким шрифтом было подписано: «Power». Индикатор электропитания прибора часто замигал бледно-жёлтым, на пару секунд позеленел и... потух. Такого отборного мата океан не слышал, наверное, со времен славных флибустьеров... После нескольких безуспешных попыток включения коммуникатор, срикошетив от стенки камеры, угодил рассвирепевшему Алексу в плечо. Новая непечатная тирада сотрясла воздух.

– И за что мне всё это? – уныло спросил Алекс в пустоту, когда злость на бесполезный прибор сошла на нет.

... Желтое словно лимон солнце вышло в зенит. В тесном замкнутом пространстве спасательной камеры становилось душно. Отстегнув заслонку входа, Алекс устроился на полу и вдыхал терпкий запах океана. Хотелось пить – так бывает почти всегда, когда знаешь, что питьевой запас ограничен. Неожиданно нахлынули мысли о довоенной жизни. И чего мне только не хва-

тало?! – удивлялся капитан. Сейчас мог бы иметь семью, детей. Хотя, может оно и к лучшему, неизвестно, как всё сейчас повернется, ни к чему было бы детям оставаться без отца. Тпр-р-р-у! Что это за мысли такие? Ты, капитан, помирать собрался что ли? Нет, ты еще потрепыхаешься немножко – годиков тридцать-сорок... А может быть, женись тогда, не оказался бы сейчас здесь, не болтался бы посреди этого чертова океана? Отставить, капитан! Всё у тебя будет! Все у тебя хорошо! Вот только пить сильно хочется... Эх, сейчас бы пивка... темного... холл-о-о-одного... Наливаешь, а оно шипит, пенится – красота. Пьешь сначала крупными глотками, а после половины кружки на мелкие переходишь... Люблю темное... но и от светлого сейчас не отказался бы... Так, хватит о прекрасном, а то сам себя до помешательства доведу – мазохист хренов!

Духота становилась невыносимой. Раздевшись догола, истекающий потом Алекс с наслаждением поплескался в прохладной океанской воде. После водных процедур сориентировался по солнцу – получилось два часа дня. Разогревало всё сильнее, и труп американца стал испускать характерный неприятный запах.

– Ну, и что прикажешь с тобой делать? – спросил Алекс. У него отчего-то уже вошло в привычку разговаривать с покойником, как с живым.

Ответа, естественно, не последовало. Просто выбросить труп за борт капитану не хотелось. Странно, когда сбиваешь таких, и они шлепаются, куда ни попадя, так наплевать, а тут... Ты ж мне вроде как жизнь спас. Если б не твоя камера, кормил бы я сейчас рыб. Да и родители у тебя, наверное, есть, может быть, жена, дети. Пусть хоть похоронят по-человечески.

Алекс тяжело вздохнул, достал полупустую пачку чудом не вымокших сигарет и, чтобы перебить исходящее от трупа зловоние, закурил. Это помогло, но не надолго. Сигарета истлела, дым вскоре развеялся, а трупный запах вновь начал донимать, и Алекс понял, что разбираться с покойником все-таки придется.

Но для начала он решил провести ревизию в своем временном пристанище. Открыв клапан кармашка на стенке камеры, извлек оттуда моток веревки, ремонтный набор и аптечку. Всё это было оценено им по достоинству, ведь любая мелочь в его положении могла иметь огромное значение.

Отмотав кусок верёвки подлиннее, один его конец Алекс закрепил на поясе покойника, а другой привязал к поручню спасательной камеры. Опустив мёртвеца на воду, сильно оттолкнул его и вслед произнёс:

– Ну вот и ладненько. Беру тебя на буксир.

...День постепенно клонился к вечеру, а Алекс продолжал маяться бездельем: то лежал на разогретой площадке пола, то выскакивал окунуться. Ну, прямо курорт какой-то, мысленно рассуждал он. Обязательно куплю приемник и буду таскать с собой, чтобы в следующий раз иметь музыкальное сопровождение... Да я спятил! Тьфу-тьфу-тьфу, ну его к такой-то матери этот следующий раз!

– Господи, если ты есть, и, если еще захочешь так со мной пошутить, лучше сразу убей, – скошунствовал он и горько усмехнулся.

Завершая путь по небу, дневное светило коснулось подёрнутого узенькой полоской облаков горизонта. Воздух заметно посвежел, и Алекс поспешил надеть брюки и майку. Как всегда на море, темнота стремительно вступала в свои права. Пришло время перекусить на сон грядущий. В своё вечернее меню капитан включил галету и маленький кусочек ветчины. Всё это было им тщательно прожёвано и запито двумя скромными глоточками сока. Однако, если до утра не найдут, надо будет что-то придумывать с едой и питьём, решил он, перед тем как устроиться на боковую.

Всю ночь донимали его кошмары: то недавний бой с американцами; то борьба с волнами; то еще хуже – бочка с пивом и сочной молодой продавщицей, только вот очередь к бочке, на первый взгляд небольшая, всё никак не заканчивалась. Проснулся Алекс в холодном поту

и с пересохшими губами, когда в иллюминаторе спасательной камеры начал вырисовываться рассвет. Он умылся и хотел, было, почистить зубы – хотя бы пальцем, но, попав в рот, соленая вода вызвала приступ тошноты.

Капитан отплевался и, повалившись на бок, впал в раздумья.

Пресная вода. Как мало внимания обращает на неё человек средних широт, с самого рождения привыкнув к ее изобилию. Но где взять ее, оказавшись посреди океана? Что делать, чтобы обеспечить себя хотя бы минимальным количеством влаги? На первый взгляд ситуация могла бы показаться безвыходной. Но из курса по выживанию в экстремальных условиях Алекс знал, что воду можно раздобыть и в Сахаре. Для этого есть множество способов, а на каком остановиться – дело ситуации, вкуса, смекалки и подручных средств. Средств оказалось не много – личный нож и содержимое ремнабора: шило, пассатижи, моток металлической проволоки, катушка с капроновой нитью и игла. Оценив свои возможности, Алекс решил соорудить простейший опреснитель. Из поддона от сухого пайка при помощи ножа и шила сделал некое подобие банки. Банка получилась небольшой, но огромных размеров и не требовалось. Алекс набрал в неё забортной воды и аккуратно поместил в изготовленный из полиэтиленовой упаковки от сухая пакет. После того, как пакет был завязан узлом, оставалось лишь ждать, пока в нём соберётся опреснённая жидкость. Как обещал инструктор курса выживания, солёная вода из банки под воздействием температуры окружающего воздуха будет испаряться, а водные пары – конденсироваться на внутренней поверхности полиэтилена.

К моменту, когда Алекс закончил возиться с опреснителем, окончательно рассвело. День обещал быть чудесным. С синего безоблачного неба утреннее солнце посылало яркие лучи. Тысячами искр они сверкали, отражаясь от океана.

– Ну, с водой разобрались! – удовлетворенно констатировал Алекс. – А кушать чего изволите?

Голод его если и пугал, то пока не сильно. В памяти твердо запечатлелись наставления инструктора: «Не бойтесь голода. Если не совершать лишних движений и оставаться на месте, можно легко продержаться без пищи дней двадцать. После сытой жизни двадцать дней даже абсолютной голодовки при отсутствии тяжелой работы пойдут вам только на пользу. Главное – не заикливаться на мыслях о еде! Думайте о чем угодно: о первой любви; о мире во всем мире и прочей ерунде, но ни в коем случае о жратве. Это если собираетесь сидеть на месте. Если же идти, можно выдержать около шести дней. Некоторые любители острых ощущений специально устраивали „голодные походы“, чтобы не таскать с собой лишний груз и не тратить время на возню со стряпней, и всё у них завершалось благополучно. За шесть голодных дней нормальный мужик в состоянии преодолеть километров двести. Мало сейчас на Земле мест, где этого не достаточно, чтобы выйти к жилью».

Инструктор, конечно, был прав, и ненаселенных мест почти не осталось. Беда в том, что огромный океан как раз одно из них, и в нем порой, ох, как не просто добраться до суши не то, что за шесть, а и за все двадцать дней. Особенно, если не имеешь возможности двигаться в нужном направлении, а предоставлен прихоти волн и ветра. Рассказывал инструктор и о том, что при отказе от еды чувство голода присутствует только первые три дня, потом пропадает и появляется опять после двадцати дней голодовки. Его повторное появление свидетельствует о начальных стадиях дистрофии. Если продолжать голодать дальше, в организме возникнут необратимые изменения, которые, в конце концов, приведут к больничной койке на долгие годы, а в наихудшем случае – к смерти. Умирать Алекс не собирался, становиться калекой – тем более.

– Или я не рыбак? – спросил себя капитан и начал мастерить нехитрое приспособление для рыбной ловли.

Рыбалку Алекс полюбил с детства. Всё началось с того, что отец за компанию позвал его на реку. Сашка согласился. Разбуженный на рассвете, заспанный он с трудом вылез из-под

теплого одеяла, наскоро позавтракал, получил из рук родителя удочку и вяло побрел к реке, искренне не понимая, зачем тащиться туда в такую рань. Тихо подобравшись к прикормленной с вечера заводи, рыбаки насадили наживку и забросили удочки. Светало. Стоя у воды и наблюдая за поплавком, Саша ждал, когда же, наконец, тот скроется под водой, и можно будет вытаскивать рыбу. Прошло уже целых полчаса, а поплавок даже не шелохнулся. Обещанный отцом клев всё никак не начинался, и постепенно Сашка потерял всякий интерес к этому нудному занятию – рыбалке. Несмотря на уверения отца, что новичкам обычно везет и надо немного подождать, он положил удилище на рогатину и отправился собирать дрова для костра. Когда огонь разгорелся, к костру подошел отец и на вопрос сына «ну, как?» только развел руками. Они немного перекусили, заварили чай, отец закурил и с байками и шутками стал рассказывать о премудростях рыбацкой науки. Изредка он отходил от костра, чтобы вынуть из воды крючок с нетронутой наживкой и еще раз убедиться, что рыба не клюет. Костер прогорел, утреннее солнце ощутимо припекало, и Сашка предложил сходить искупаться на дальний плёс, раз уж рыба всё равно не клюет. Предложение было одобрено. Когда они подошли воде, чтобы собрать снасти, Саша с удивлением обнаружил, что его поплавок куда-то исчез. Наверное, зацепился, догадался он, снял удочку с рогатины и принялся тянуть леску на себя. Зацеп оказался «мертвым». Сашка дернул что есть силы, и тут произошло что-то странное: леска сперва подалась в сторону рыбака и провисла, как будто оторвался крючок, а потом, вдруг, натянулась и зазвенела как струна. Саша почувствовал, как кто-то неимоверно сильный пытается вырвать удилище из его рук. Этот неизвестный кто-то заходил под водой из стороны в сторону, сгибая удочку в дугу, грозя вот-вот оборвать леску. Сашка судорожно сжал рукоятку удилища, борясь с желанием бросить его в воду. Подбежал отец, и это прибавило молодому рыбаку уверенности. После продолжительной борьбы он смог-таки совладать с обитателем подводного мира и вытащил его на берег. Его первому рыбацкому трофею позавидовал бы и самый опытный рыболов: в траве, тяжело двигая жабрами, величественно возлежал, похожий на большой блин, красавец лещ. И не стоит удивляться тому, что на следующее утро неохотно вылезал из-под теплого одеяла уже не Сашка, а его отец, подгоняемый нетерпеливыми возгласами сына.

С тех пор Алекс побывал на разных водоемах, но рыбачить на море ему не доводилось, и вот представился случай, который грех упускать. Конечно, вероятность успешной ловли в незнакомых условиях невелика, но обострившиеся инстинкты подсказывали капитану, что нужно постоянно занимать себя каким-нибудь делом и поменьше думать о своём критическом положении, относиться к нему как к чему-то естественному, чтобы, не дай бог, не запаниковать.

Крючок и грузило Алекс сделал из проволоки, вместо лески приспособил капроновую нить. Когда привязал её к пассатижам, получил в распоряжение что-то вроде маленькой зимней удочки. Как наживку решил использовать кусочки хлеба. Насадив хлебный шарик на крючок, он забросил снасть и замер в ожидании поклевки. На удивление, долго ждать не пришлось. В прозрачной воде он разглядел, как из глубины к хлебу юркнуло что-то серое. Последовала резкая подсечка, и Алекс поздравил себя с почином. Не медля, он снова опустил наживку в воду, и через пару минут удача улыбнулась ему ещё раз.

...После поимки десятка рыбешек, у Алекса появилась мысль поохотиться на что-нибудь посолиднее, и следующая схватившая хлеб рыбка осталась на крючке в качестве живца. Предоставив ей болтаться в воде, привлекая хищную рыбу, Алекс принялся перебирать улов. Пойманные рыбки ничем не отличались друг от друга: узкие, продолговатые и невзрачные. Как они называются, Алекс понятия не имел, но предположил, что есть их можно без опаски, пусть даже сырыми. Рыбешек он выпотрошил, очистил от чешуи и присолил, чтобы подольше не портились.

Пополнив запас продовольствия, капитан проверил, как работает опреснитель. Тот оказался в полном порядке: на дне пакета уже набралось немного воды. Полюбовавшись плодом

своей инженерной мысли, Алекс возобновил попытки поймать крупную рыбу. Вытащив рыболовную снасть из воды, он обнаружил, что живец на крючке отсутствует. Это значило, что где-то поблизости охотится хищник, сорвавший его с крючка.

Рыбацкий азарт проснулся мгновенно. Изловив на хлеб нового живца, Алекс решил ни на секунду не оставлять удочку без присмотра, чтобы не упустить момент поклевки. Устроившись поудобнее, он стал легонько подергивать снастью, чтобы заставить сидящую на крючке рыбку постоянно двигаться, ведь подвижная приманка быстрее привлечёт хищника. Одновременно он внимательно всматривался в толщу воды, стараясь разглядеть, не появился ли рядом какой-нибудь подводный житель. Прошло полчаса, но ни один хищник так и не объявился.

– Перерыв у вас там что ли? – поинтересовался капитан у невидимых обитателей подводного царства без всякой надежды на ответ.

Так и не добившись положительного результата, он решил на время прекратить рыболовные опыты и потянул задерганную рыбку из воды, собираясь отпустить ее на волю. Но в тот момент, когда она оказалась в метре от водной поверхности, откуда-то из-под шара к ней метнулась чёрная тень. Удар хищной рыбы чуть не вырвал удочку из рук, сердце Алекса учащенно забилося, едва он ощутил сопротивление засёкшегося на крючке хищника. Только бы нитка не лопнула – это всё о чем он могу думать, пытаюсь вываживать упирающуюся рыбу. С величайшей осторожностью он подтягивал её к себе, а, когда упиралась слишком, давал слабину. По морским меркам не крупная – килограмма три на вскидку – рыба оказывала серьезное сопротивление, ожесточенно борясь за свою жизнь. С огромным трудом Алексу удалось добиться, чтобы ее голова, наконец, высунулась из воды. Рыбина глотнула воздуха и сразу обмякла, сделалась вялой. Подхватив добычу под жабры, удачливый рыболов скрылся в своем убежище.

Пойманный хищник оказался потрясающе красивым. Если в моменты вываживания, он казался невзрачно-черным, то извлеченный на воздух, предстал переливающимся всеми цветами радуги. Алекс поневоле залюбовался. Хорошенько рассмотрев трофей, он не обнаружил никаких характерных признаков ядовитости: рыбу не покрывали шипы, она не раздувалась, как морской еж, короче говоря, вела себя, как добропорядочный представитель семейства морских холонокровных, пригодных в пищу. Правда, есть ее Алекс не собирался, а рассчитывал использовать, чтобы добыть еще хоть немного влаги, ведь морская рыба пусть и живет в соленой воде, но внутри пресная и пресную воду можно из нее выжимать. Для этого рыба была выпотрошена, так как некоторые обитатели моря имеют вредную привычку обладать ядовитыми внутренностями, и тщательно промыта. Алекс отделил мясо от хребта и несколько раз отжал над гермошлемом, стараясь не потерять ни одной драгоценной капли. После того, как рыба была выжата, что называется досуха, Алекс вылил в гермошлем воду, накопившуюся в опреснителе, а затем, как бы это странно ни выглядело, добавил туда немного океанской воды. Не посвященный в тонкости искусства выживания человек, увидев такое, решил бы, что Алекс сошел с ума или, как минимум, перегрелся на солнце. Но капитан знал, что делает. Ощущая во время жары постоянную жажду, человек обычно думает, что организм требует воды, и это часто приводит к чрезмерному ее потреблению без малейшего облегчения. В жарком климате воду можно вливать в себя ведрами до тех пор, пока она не польется назад откуда только можно, но муки жажды не исчезнут. Ведь организму нужна не только вода, но и соль, которая выводится из него при потоотделении. Асы выживания знают, что добавление в пресную горькой морской воды помогает восполнять запас солей и экономить питьевые запасы. Вкус у такой комбинированной жидкости не самый приятный, но, как говорится, не вкусно, зато полезно. Воды в гермошлеме набралось не много, но и этого оказалось достаточно, чтобы вселить в Алекса надежду на благополучное завершение морского приключения. Сделав два маленьких глотка и хорошенько прополоскав рот, он пришел к выводу, что питье довольно сносное.

Подгоняемый воспоминаниями о недавнем успехе, Алекс насадил на крючок кусочек выжатой рыбы и снова стал испытывать свое рыбацкое счастье. Но то ли оно от него отвернулось, то ли хищника поблизости больше не было. Никто не спешил соблазниться аппетитной наживкой. Терпеливо ожидая поклевки, Алекс закурил и предался размышлениям о том, почему до сих пор его никто не отыскал.

– А может, вообще плюнули на меня, – горько усмехнулся он, – и болтаться мне тут всю оставшуюся жизнь? Интересно, какова вероятность появления в этом районе корабля? И сколько этого можно ждать?

Чтобы не нагонять на себя тоску, строить предположения он не рискнул. Выбросил окурок за борт, извлек снасть из воды и растянулся на полу. И только после этого ощутил, как сильно устал за этот день. Вечерело. А вообще, я тут со всеми удобствами устроился, подумал капитан и очень скоро заснул.

...Ночь выдалась спокойной. Ни кошмары, ни стихия не помешали Алексу выспаться. Пробуждаясь, он мечтательно представил, как было бы хорошо открыть глаза и увидеть перед собой лица спасателей, наконец-то соблаговоливших его спасти. Но, открыв глаза, никого он не увидел. А вот бы сейчас высунуть голову наружу и увидеть берег, опять размечтался капитан, подбираясь к входному отверстию. Отдраив вход, берега он не разглядел, разочарованно вздохнув, потёр ошестинившуюся щеку ладонью и приступил к водным процедурам. После них перекусил скудными остатками сухая и докурил недокуренную вчера сигарету.

– Ну и какие у нас на сегодня планы? – поинтересовался он у себя. – Никаких? Значит, всё по проверенной схеме.

Но наполнив морской водой банку опреснителя, он вдруг понял, что не хочет ничего больше делать. Даже рыбу ловить не было ни малейшего желания, и Алекс безвольно растянулся на полу. Протяжно зевнув, попытался подумать хоть о чем-нибудь, но ни одна путная мысль почему-то не приходила в голову. Да я так отупею совсем, спишь да ешь, ешь да спишь – вот и все занятия, вяло подумал он, перевернулся на бок и заснул. Снилось ему детство: заботливые руки матери; первая памятная рыбалка; разговоры с отцом у костра; сопротивление рыбы на крючке, только почему-то вместо леща из воды вылез Соломатин и, хватая ртом воздух, произнес: Александр Константинович, с этого момента вы полностью переходите в мое распоряжение. Дернувшись, Алекс проснулся.

– Изыди, Нечистый! И тут покоя не дает, – проговорил он, протерев глаза, и до хруста в суставах потянулся. – А так хорошо спалось!

С нескрываемой леностью в движениях Алекс перебрался к выходу, закурил и предался созерцанию океанских просторов.

– Тоска-то какая... Одна вода и никакого разнообразия в пейзаже... – резюмировал он перед тем, как выбросить окурок за борт.

Прополоскав рот небольшой порцией воды, Алекс улёгся, прижался к стенке и тупо уставился в пространство перед собой. Голова была абсолютно пуста. Так пролежал он минут десять, а может чуть больше. Затем поднялся, от безысходности насадил приманку на крючок и забросил снасть.

«На автомате» Алекс подергивал наживкой и всматривался в далекую линию горизонта. Прошло полчаса, час, а никаких изменений в округе не случилось.

– Определенно, бросили меня на произвол судьбы, – вздохнул капитан и принялся смаывать удочку.

Налетел лёгкий ветерок и приятно обдал солёной прохладой. С воды сорвались мелкие брызги и ударили в лицо. Алекс с наслаждением вдохнул запах океана и уловил в шелесте ветра посторонний звук. Звук показался ему знакомым и даже похожим на гул турбин.

Капитан, не мешкая, наметанным взглядом рассек небо на квадраты и друг за другом принялся сканировать их, как заправский локатор.

– Ну, и где же ты?! – то и дело восклицал он.

Гул усиливался, но разглядеть его источник не удавалось – мешало яркое солнце. Наверное, транспорт и идет высоко, прикидывал в уме капитан, хотя, нет, по звуку на транспорт не похоже...

Из-под ладони, всмотревшись против солнца, он, наконец, разглядел в небе чёрную точку. От яркого света заслезились глаза, но Алекс терпел. Точка увеличивалась в размерах, превращаясь в крупное пятно. Летит сюда, мелькнула мысль, неужели, меня ищет?..

Самолет медленно приближался, и постепенно Алекс угадал в нем разведчика ВМФ США. Когда тот оказался совсем близко, капитан выпустил в небо сигнальную ракету.

С замиранием сердца Алекс следил за тем, как самолёт делает широкий круг, в центре которого находится сигнальный огонёк, кажущийся невероятно тусклым в ослепительно ярких солнечных лучах.

Но вот разведчик резко пошел на снижение, и Алекса захлестнуло волной радости.

– Заметил! – выкрикнул он и замахал рукой.

Проносья над спасательной камерой, самолёт пару раз качнул крыльями, чем привел её обитателя в еще больший восторг, и круто взмыл вверх.

...Следующие несколько часов океан находился под пристальным наблюдением. Алекс то сидел у иллюминатора и напряжённо всматривался в даль, то высовывал голову наружу и внимательно оглядывался по сторонам. Когда под вечер на горизонте вырисовались смутные очертания корабля, капитан истово затвердил про себя: «Господи, только бы не мимо, только бы не мимо!»

Его мольбы были услышаны. Американский эсминец лёг в дрейф в двух морских милях от спасательной камеры.

Глава 7

Разъяренные морские пехотинцы, сыпя бранью и не скупясь на тычки и оплеухи, выволокли Алекса из спасательной камеры и бросили в катер. На попытку русского выяснить, какого, собственно говоря, черта с ним так обращаются, ответили несколькими пинками под рёбра. Затем бережно перенесли в катер труп соотечественника, смердящий и раздувшийся от жары.

– Ну-ка отодвинься, кусок дерьма... – процедил усатый американец с нашивками сержанта и легко пнул скорчившегося на полу Алекса в бок.

Пришлось подчиниться. Сержант встал к штурвалу, и спустя пару секунд катер сипло рыкнул движком, круто развернулся, выбросив из-под винта густой сноп соленых брызг, и заспешил к эсминцу.

Алекс исподлобья рассматривал сидящих вдоль борта солдат. Происходящее меньше всего казалось ему похожим на спасательную операцию.

– Ты чего пялишься? – выкрикнул один из морпехов и придавил голову Алекса ногой.

Капитан едва не вскрикнул от боли. Морпехи дружно рассмеялись. Алекс мог вытерпеть многое, но только не такое обращение.

– Убери лапу с моей головы, – побледнев, процедил он сквозь зубы.

– О, да он огрызается! – захохотал американец и надавил еще сильнее. – А если не убери?

– Джек, отстань от него, – бросил через плечо сержант, закладывая немного лево на борт, чтобы выправить курс.

– Да ладно тебе, Брайан! Не мешай развлекаться. Я давно мечтал позабавиться с каким-нибудь русским, да всё возможности не выдавалось.

– Ты, сопляк, хоть в одной боевой операции участвовал?! – выкрикнул сержант. – Хватит играть в супермена!

– Не шуми, Брай, у меня всё ещё впереди. Будем считать, что готовлюсь к бою, набираю опыта, ищу слабые стороны противника. Так, ну и где у тебя слабое место? обратился Джек к русскому. – Может быть здесь? – И под дружный хохот сослуживцев с силой ткнул его прикладом в спину.

Это было последней каплей.

– Ну, всё, с меня хватит, – прошипел Алекс, как придавленная змееловом кобра, и осторожно полез в карман брюк. К его счастью, уверенные в превосходстве морпехи не удосужились произвести обыск. Пока они надрывали животы, забавляясь выходками приятеля, Алекс нащупал гранату, крепко сжал её в ладони, зафиксировав предохранительный рычаг, и большим пальцем выдернул чеку.

– Эй, придурок, – обратился он к пехотинцу Джеку, – ты в гранатах хорошо разбираешься?

– А что? – удивился тот.

– Есть тут одна для тебя, – ответил Алекс, прежде чем вытащить руку из кармана.

Улыбки мгновенно стерлись с американских физиономий.

– Предупреждаю сразу, чека осталась в кармане, стрелять не советую. Убери ногу, ублюдок!

Отдернув ногу, американец отодвинулся подальше, тесня соседей.

– Сержант, глуши мотор! – скомандовал Алекс, поднимаясь в полный рост.

– Да, и что сделаешь, если не подчинюсь? – отозвался сержант, коротко глянув через плечо.

– Просто разожму руку. Глуши!

Сержант развернулся вполоборота и опасливо посмотрел на русского.

– Не дури, парень, выбрось гранату.

– Выбросить? Легко! – воскликнул русский и сделал движение, будто собирается бросить смертоносный предмет под ноги сержанту.

– Эй, эй! – воскликнул тот, отпрянув. Усы его встопорщились, а в центре лба выступила крупная капля пота. – Ты что делаешь?!

– Как что? – наигранно удивился Алекс. – Выполняю просьбу! Глуши мотор, больше повторять не буду!

Двигатель что-то сурово прорычал напоследок, вздрогнул и затих

– Ну и, что дальше? – поинтересовался побагровевший от злости сержант.

Интересный вопрос, подумал Алекс. Первый в истории захват эсминца с одной гранатой? Он чуть было не рассмеялся, представив такое.

Катер прошел по инерции около сотни метров и, остановившись, закачался на мелких волнах.

– Слушай, Брайан, я вижу, ты нормальный парень, давай не будем накалять обстановку...

Брайан буркнул что-то бессвязное в по-прежнему топорщащиеся усы.

– Вызывай на связь капитана корабля. Только спокойно, без резких движений! – предупредил Алекс сержанта, сунувшего ладонь за пазуху.

– Всего лишь рация, – проворчал тот, достал миниатюрное переговорное устройство, поднес его к губам и забубнил: – Виржиния, это Дуглас, как слышите меня?.. Вызываю капитана... У нас нештатная ситуация... Не тяните... Ждем... – Капитан сейчас будет, – нехотя сообщил он русскому и недовольно поморщился.

– Вот и славно, – ответил Алекс, напряженно оглядывая сидящих вокруг морпехов.

Рация в руках сержанта захрипела.

– Да, капитан, сэр! – гаркнул он в неё так громко, словно старался докричаться непосредственно до корабля. – Сэр, с вами хотят говорить... Сэр, это...

– Давай сюда! – оборвал Алекс сержанта и выхватил у него рацию. – Это капитан эсминца?.. С вами говорит капитан Российских Военно-Воздушных Сил Сохранов. У меня здесь одна граната и семеро ваших парней. Если не хотите, чтобы они превратились в фарш, свяжитесь с берегом, пусть вызовут на связь начальника авиабазы «Дельта» полковника Гаррисона... Меня не интересует, что вы думаете, хотите и чего не понимаете... Все вопросы потом... Сделайте, как я сказал, и всё будет хорошо... Нет... Поверьте, я совсем не хочу, чтобы кто-то пострадал, но не вынуждайте меня на крайние меры... Слушайте, из данной ситуации всего два выхода: или вы связываетесь с полковником, и он вам всё объясняет, или можете начинать писать похорошки семьям безвременно погибших по вашей вине морских пехотинцев... Не давите на меня... Да, чёрт возьми, вы слушаете, что я говорю или нет?... Вы же разумный человек! Ругань сейчас ни к чему. Остыньте и свяжитесь, наконец, с Гаррисоном, неужели это так сложно? Он вам всё объяснит, если сочтет нужным... Он меня знает... Ну, слава Богу... Хорошо, жду... Всё, конец связи.

Рация пискнула и замолчала. Вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь редкими ударами волн о борт.

– Подвинься немного, – обратился Алекс к одному из морпехов и, вернув рацию сержанту, сел на освободившееся место.

Под тревожными взглядами солдат он переложил гранату в другую руку и, разминая затекшую ладонь, заговорил:

– Сержант, ответь мне, что за скотину вы набираете в армию? Что за неуважение к старшим по званию? У меня сложилось впечатление, что подчиненные тебя и в грош не ставят! Или я ошибаюсь?

Сержант промолчал. Не хочешь отвечать, ну и не надо, подумал Алекс, в сущности какое мне дело до ваших личных отношений?

– Как тебя там, Джек что ли? – обратился он к своему недавнему мучителю. – Я, конечно, человек не злопамятный, но вот почему у меня такое стойкое желание засунуть эту гранату тебе в штаны, не подскажешь?

Американец по имени Джек побледнел и в поисках поддержки посмотрел на сержанта. Тот отвёл взгляд и демонстративно сплюнул за борт. Тогда Джек попробовал испросить помощи у сослуживцев, но все они, как один, потупили взор и молчаливо набычились. Что-то вы, парни, совсем неразговорчивые стали, мысленно усмехнулся Алекс, и, помолчав немного, попытался успокоить горе-героя Джека:

– Шучу, не дрейфь! Солдат ребенка не обидит.

Несмотря на это заверение, румянца на Джековской физиономии не прибавилось.

...Время шло, волны бились в борт, а набычившиеся морпехи исподлобья переглядывались. Чужая, что ещё чуть-чуть и ситуация может выйти из-под контроля, Алекс в нетерпении ерзал на лавке.

Но вот в воздухе прозвучал резкий хрип радиопомех.

– Капитан на связи, – доложил сержант, и Алекс облегчённо вздохнул. Он принял у сержанта рацию и вновь вступил в переговоры: – Слушаю... Да... Вы связывались с «Дельтой»? ... Ну и что? Он что, сквозь землю провалился?... Когда будет?... А сейчас, значит, нет никакой возможности пообщаться с ним?... Нам тут до утра торчать?... Я вам говорил, что лично знаком с ним... На этот вопрос я не имею права отвечать... Ну, и что будем делать?... Капитан, я человек не кровожадный, мне абсолютно не хочется, чтобы кто-то из ваших людей пострадал... Давайте искать выход из ситуации... Может быть... Да... Хотя бы до появления Гаррисона... Обещаю при подобающем обращении не причинять никаких неприятностей... Хорошо... Сейчас передам...

Не без удовольствия Алекс пронаблюдал за тем, как, заполучив рацию, сержант протараторил в неё:

– Слушаю, сэр!.. Будет исполнено! Так точно, сэр!.. Есть, сэр! Приказано доставить вас на корабль, надеюсь, вы не против? – угрюмо поинтересовался он у Алекса.

– Конечно, нет. Что стоим, Брай? Отдать швартовы, полный вперед, ну, и так далее! – скомандовал Алекс и одарил сержанта приветливой улыбкой.

Взревев мотором, катер понёсся к эсминцу и вскоре остановился у его правого борта.

– Прибыли, – сообщил сержант. – Вы бы сделали что-нибудь с гранатой. Может, за борт?

– Нечего добром разбрасываться, – усмехнулся Алекс и, достав чеку, аккуратно водворил ее на место. – Сохраню на память.

Противно поскрипывая и погромыхая, опустился корабельный трап.

...Ступив на борт эсминца, Алекс тут же оказался в окружении вооруженных до зубов моряков, во главе которых выступал сухощавый пожилой мужчина в форме высшего офицера ВМФ США.

– Капитан корабля Ларсен, – представился он.

– Капитан Сохранов, – ответил Алекс.

– Следуйте за мной, – приказал Ларсен, вышколено развернулся и зашагал по палубе, звонко цокая каблуками. Алекс проследовал за ним под конвоем двух морпехов.

Погрузившись по лестницам и лесенкам во чрево корабля и пройдя лабиринтами его отсеков, они оказались в длинном ярко освещённом коридоре перед одной из многочисленных дверей.

– Прошу, – пригласил Ларсен, распахнув её перед Алексом. – А вы, ребята, подождите здесь, – приказал сопровождающим.

Они зашли в просторную, но весьма скромно обставленную каюту. Ларсен расположился в потертом кожаном кресле, указал на другое:

– Присаживайтесь и рассказывайте.

– Много рассказать не могу, не имею права. Все подробности вам сообщит полковник Гаррисон, если сочтет нужным.

– Скажите, что можете! – потребовал Ларсен.

– Я участвовал в совместной операции России и Штатов. Мой самолет был сбит над океаном.

– И это всё?

– Да.

– Ну-ну... А каким образом вы оказались в спасательной камере американского пилота и почему он найден мертвым, да еще и на привязи за бортом?

– На камеру я наткнулся случайно во время шторма. Пилот был уже мертв, а так как находиться рядом с покойником в духоте камеры было, мягко говоря, неприятно, я привязал его снаружи. Надеюсь, вы не в обиде?

– Если всё сказанное вами правда, мне остается только поблагодарить вас за то, что сохранили тело. Оно будет передано родственникам.

– Можно вопрос, господин Ларсен?

– Конечно.

– Вы специально искали своего пилота или случайно наткнулись на камеру?

– Перед нами была поставлена задача: отыскать двух сбитых в этом районе американских летчиков.

– Понятно, – ответил Алекс, подумав, а собирался ли хоть кто-нибудь искать его. – Одного вы нашли вместе со мной, а что со вторым?

– Отыскать его пока не удалось.

Как бы бесчеловечно ни звучало, но это хорошо, порадовался Алекс, пусть все случившееся между нами останется тайной, покрытой мраком. Глаза его непроизвольно закрылись, а изо рта неожиданно вырвался зевок.

– Господин Сохранов, я вижу, вам надо отдохнуть. Я провожу вас в каюту.

– Спасибо. Хотелось бы помыться, побриться и еще... – Алекс немного помялся, потирая заросший щетиной подбородок, – честно говоря, очень хочется есть.

– Всё будет.

Попетляв еще немного по коридорам в сопровождении двух морпехов, Алекс с капитаном Ларсеном оказались у очередной двери, ничем не отличающейся от остальных. Разве что номер на ней был уникален: «023К».

– Каютка второго помощника, – пояснил Ларсен. – Сейчас он на берегу, так что располагайтесь. Все удобства внутри. Сменную одежду и бритвенные принадлежности вам принесут. Ужин подадут... – Ларсен взглянул на часы, – скажем, через час.

– Спасибо.

– Прошу вас не покидать каюты. Если что-то понадобится, телефон и справочник на столе, звоните лично мне.

Обстановка каюты оказалась не шикарной, но вполне удовлетворительной. У стены письменный стол, на столе лампа и будильник, в углу шкаф, напротив – полка с книгами, у входа пара стульев. В центре каюты кожаное кресло и самое главное – под иллюминатором односпальная кровать, заправленная туго натянутым, без единой складки, покрывалом. Увидев её, Алекс почувствовал, как сильно вымотался. Первым его желанием было вытянуться на белоснежной простыне и заснуть. Но приученный службой к тому, что чистота – залог здоровья, он, с трудом отгоняя усталость, дождался пока принесут одежду и бритву. А когда принял душ, побрился, переделся в чистое, то почувствовал, что усталость заметно отступила, а вот голод разбушевался сильнее прежнего. Коротая время до ужина, он взял с полки книгу и, устроившись в глубоком кресле, занялся ее изучением, изредка поглядывая на часы.

Ужин подали, как и было обещано, через час. С просто зверским аппетитом Алекс поглотил всё, что ему предложили. А потом завел будильник на семь утра и с невероятным блаженством вытянулся на кровати.

Сон был глубоким и безмятежным, ничто не нарушило его вплоть до назначенного времени, когда резкое треньканье будильника полоснуло по ушам. Алекс подскочил в кровати, как ужаленный. Быстро вспомнив, где он находится, не теряя времени, сделал нехитрую зарядку, принял контрастный душ, почистил зубы, оделся и стал ожидать завтрака, который вскоре доставил тот же матрос, что приносил ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.